

NON-FICTION

57

Яков Гордин

РУССКАЯ
ДУЭЛЬ
♦
МИСТИКИ
И ОХРАНИТЕЛИ

« А З Б У К А »

Яков Гордин

Русская дуэль.
Мистики и охранители

«Азбука»

2026

УДК 94(47).07

ББК 63.3(2)47

Гордин Я. А.

Русская дуэль. Мистики и охранители / Я. А. Гордин —
«Азбука», 2026

ISBN 978-5-389-32370-4

В настоящее издание вошли две книги Якова Гордина – известного писателя и публициста, исследователя русской истории XVIII – первой половины XIX века. «Русская дуэль: Философия, идеология, практика» посвящена важнейшему для дворянской культуры феномену дуэльного поединка как решающего способа отстаивания чести. На материале архивных документов и мемуарных свидетельств Я. А. Гордин прослеживает историю русской дуэли – от эпохи Екатерины II, времени первых поединков, до царствования Александра III, когда дуэльная традиция уже угасала. Известные бретеры и дуэлянты, различные причины конфликтных ситуаций и различные условия дуэлей, попытки властей запретить поединки чести – все это создает яркую картину дворянского быта XVIII-XIX веков. Основной сюжет книги «Мистики и охранители, или Дело о масонском заговоре» – исторический эпизод, в который оказались вовлечены многие значительные государственные и общественные деятели пушкинской эпохи, начиная с самого императора. В 1831 году Николай I получил донос князя Андрея Голицына о заговоре ордена иллюминатов, где среди прочих назывались имена «первых сановников» России. Однако этот вариант мифа о всемирном масонском заговоре был порожден непримиримой борьбой, начавшейся еще в царствование Александра I, внутри масонских обществ, между мистиками и православными, реформаторами и охранителями. Издание адресовано самому широкому кругу читателей – всем, кто увлечен русской историей и культурой.

УДК 94(47).07

ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-389-32370-4

© Гордин Я. А., 2026

© Азбука, 2026

Содержание

Русская дуэль	8
От автора	8
Глава I	10
Глава II	14
Глава III	18
Глава IV	22
Глава V	25
Глава VI	29
Глава VII	46
Глава VIII	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Яков Аркадьевич Гордин

Русская дуэль. Мистики и охранители

© Я. А. Гордин, 2026

© Всероссийский музей А. С. Пушкина, иллюстрация на обложке, 2026

© Государственный исторический музей, иллюстрации, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

Яков Гордин

РУССКАЯ ДУЭЛЬ
♦
МИСТИКИ
И ОХРАНИТЕЛИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Русская дуэль

Философия, идеология, практика

От автора

Первый вариант предлагаемой читателю книги увидел свет в 1989 году в виде глав, включенных в документальное исследование «Право на поединок». Отдельными изданиями книга выходила в 1996 и 2002 годах. В 2014 году издательство «Вита Нова» выпустило существенно расширенный и дополненный принципиально важными главами вариант книги, который лежит в основе настоящего издания.

Глубокий анализ русской дуэли как явления «социально-знакового» предложил Ю. М. Лотман в комментарии к «Евгению Онегину» (1980). На идеи Лотмана ориентирована «Книга о русской дуэли» А. В. Вострикова (впервые она была опубликована в 1998 году и затем неоднократно переиздана) и его статья «Мифология дуэли» («Невский архив», 1993).

Вышел и еще ряд достойных работ. В частности, монография Александра Кобринского «Дуэльные истории Серебряного века» (2007). Но материал этой книги находится за хронологическими пределами данного исследования.

Дуэльная проблематика не только чрезвычайно обширна и многообразна по смыслу, но и теснейшим образом связана с фундаментальными процессами нашей истории. Без разработанной истории русской дуэли невозможно понять развитие дворянского самосознания и взаимоотношения русского дворянина с миром. Без понимания особенности и смысла истории дворянства невозможно понять и суть послепетровского периода в истории России.

История русской дуэли XVIII–XIX веков – это история человеческих трагедий, мучительных смертей, высоких порывов и нравственных падений. Это уникальное в своей драматичности явление было результатом сокрушительного психологического перелома – перехода от Московской Руси к петербургской России.

При этом надо сознавать, что как европейские, так и русские дуэли Нового времени принципиально отличны и от рыцарских турниров, и от судебных поединков, «божьих судов» Средневековья. Хотя некоторые из описанных в книге дуэлей имели психологический оттенок судебного поединка – «Бог за правое дело!».

Дворянские поединки были одним из краеугольных элементов новой петербургской культуры поведения, вне зависимости от того, в каком конце империи они происходили.

С дуэльной традицией связано такое ключевое для петербургского периода российской истории понятие, как честь, понятие трудноопределимое и весьма по-разному понимаемое теми, кто считал себя носителями чести.

С дуэльной традицией связано и еще более сложное для анализа явление, которое условно можно определить как стремление дворянских интеллектуалов преодолеть плен низкого быта, что, в свою очередь, диктовалось жаждой свободы в ее высоком, экзистенциальном смысле.

Пушкинский сюжет – несмотря на ограниченность объема – играет принципиальную роль в общем смысловом сюжете книги, хотя последней его дуэли в ней нет. Для ее описания и анализа требуется отдельное исследование, тем более что литература, ей посвященная, огромна.

Пушкин был не только одним из самых ярких практиков и теоретиков дуэли, но и личностью, явившей нам эталонные представления о чести и человеческом достоинстве в момент расцвета петербургской культуры.

Пушкин как создатель цельной системы мировосприятия завершил собой классический, здоровый этап петербургского периода. Дальше пошло разложение этого типа культуры, что сопровождалось и разложением дуэльной традиции.

Судя по тому, что мы знаем о дуэлях Пушкина, он достаточно презрительно относился к ритуальной стороне поединка. Об этом свидетельствует и последняя его дуэль, перед которой он предложил противной стороне самой подобрать ему секунданта – хоть лакея. И это было не только плодом конкретных обстоятельств. Это был принцип, который он провозгласил еще в «Онегине», заставив своего героя, светского человека и опытного поединщика, взять в секунданты именно слугу, и при этом высмеял дуэльного педанта Зарецкого. Идеальный дуэлянт Сильвио в «Выстреле» окончательно решает свой роковой спор с графом, тоже человеком чести, один на один, без секундантов, что было грубейшим нарушением дуэльного кодекса.

Для Пушкина в дуэли главным была ее роковая суть, а не обряды. Всматриваясь в бушевавшую вокруг дуэльную стихию, он ориентировался на русскую дуэль в ее типическом, а не ритуально-светском варианте, ибо прозревал метафизический смысл поединка. Необходимая ему внутренняя свобода рождалась в предельной ситуации – перед лицом смерти.

Дуэльные представления Пушкина – смысловой камертон повествования.

Русская дуэль – постоянная борьба кодекса с практикой, ритуала с живой жизнью, абстрактных представлений о должном с миром человеческих страстей, низкого быта – с бытием.

Разумеется, предлагаемая читателю книга, существенно дополненная в данном издании, отнюдь не исчерпывает заявленную проблематику. Одна из задач книги – показать, что кастово-ритуальная детерминированность поведения русского дворянина не покрывает всего многообразного пространства дуэльной практики. Важно представить себе, как дуэльная практика соотносилась с конкретными общественно-политическими условиями, особенностью существования в имперской системе, равно как и с представлениями мыслящего русского дворянина о своем взаимоотношении с миром вообще.

Повествование основано как на многочисленных мемуарных и эпистолярных свидетельствах, так и на архивных разысканиях автора, выявивших целый ряд выразительных дуэльных ситуаций и своеобразии реакции властей на поединки в разные эпохи.

В документальном приложении читатель найдет военно-судные дела, посвященные последней дуэли Пушкина и двум дуэлям Лермонтова, а также извлеченное из фонда Военного министерства Российского государственного военно-исторического архива дело о поединке генерал-майора Бахметьева и штабс-капитана Кушелева, само по себе представляющее отдельный обширный сюжет. В литературном приложении публикуются наиболее характерные дуэльные сцены, запечатленные в русской поэзии и прозе.

Глава I

Человек с предрассудками (I)

*Как человек с предрассудками – я оскорблен...
Пушкин – Чаадаеву*

Русское дворянство родилось как военная каста. Дворянин был человек с оружием, и назначением его было вооруженное вмешательство в ход жизни – война, подавление мятежа. В полной мере Пушкин осознавал себя наследником этой суровой традиции дворянства: «Мой предок Рача мышцей бранной / Святому Невскому служил...»

После лицея он долго колебался, идти в статскую или военную службу. Можно с уверенностью сказать: ежели бы в то время началась или предвиделась война, он стал бы офицером.

Храбрец Иван Петрович Липранди, прошедший несколько войн, вспоминал:

«Александр Сергеевич всегда восхищался подвигом, в котором жизнь ставилась, как он выражался, на карту. Он с особенным вниманием слушал рассказы о военных эпизодах; лицо его краснело и изображало жадность узнать какой-либо особенный случай самоотвержения; глаза его блистали, и вдруг он часто задумывался. Не могу судить о степени его славы в поэзии, но могу утвердительно сказать, что он создан был для поприща военного, и на нем, конечно, он был бы лицом замечательным; но, с другой стороны, едва ли к нему не подходят слова императрицы Екатерины II, сказавшей, что она бы „в самом младшем чине пала в первом же сражении на поле славы“».

Пушкин так живо представлял себя на войне, что мог написать в 1820 году:

Мне бой знаком – люблю я звук мечей;
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.

Это не были свирепые мечты слабого человека, боевая ярость, переживаемая наедине с листом бумаги и не могущая вырваться в реальность. В армии, с которой Пушкин шел к Арзруму летом 1829 года, о его бесстрашии возникали легенды. «При всякой перестрелке с неприятелем, во время движения вперед, Пушкина видели всегда впереди скачущих казаков и драгун прямо под выстрелы», – вспоминал потом один из офицеров Паскевича, командующего армией, ссылаясь на очевидцев, в том числе на полковника Владимира Вольховского, лицейского друга Пушкина, талантливого военного, человека прямого и правдивого. Разумеется, мемуарист усилил реальную ситуацию – «всегда», «при всякой перестрелке», – но безусловно, что высокая репутация Пушкина среди офицеров сражающейся армии имела все основания.

Но это было позже. А в молодости – крепко сложенный, мускулистый, с прекрасной реакцией, наездник, фехтовальщик и стрелок, он жаждал физического действия. Он понимал азарт и прелесть физического противоборства и постоянно к нему стремился.

Молодой офицер Федор Лугинин, приехавший в Кишинев в 1822 году, записал в дневник: «Дрался я с Пушкиным на рапирах и получил от него удар очень сильный в грудь». А через три дня: «Дрались на эспадронах с Пушкиным, он дерется лучше меня и, следовательно, бьет».

Он любил держать в руках оружие. В Кишиневе носил с собой пистолет, которым однажды угрожал молдавскому боярину, отказавшемуся от поединка. Ему доставлял удовольствие сам процесс стрельбы. Всю взрослую жизнь он упражнялся в стрельбе при всякой возможности и стал первоклассным стрелком.

Смолоду в нем играл избыток сил, который требовал боевого и псевдобоевого выхода. Он был готов и к прямой драке. Свидетельство тому – запись в дневнике Павла Ивановича Долгорукова за 1822 год: «История Пушкина с отставным офицером Рутковским. Офицер этот служил некогда под начальством Инзова и по приглашению его приехал сюда для определения к месту. Сегодня за столом зашел между прочим разговор о граде, и Рутковский утверждал, что он помнит град весом в 3 фунта. Пушкин, злобясь на офицера со вчерашнего дня, стал смеяться его рассказам, и сей, вышед из терпения, сказал только: „Если вам верят, почему же вы не хотите верить другим?“ Этому было довольно. Лишь только успели встать из-за стола и наместник вышел в гостиную, началось объяснение чести. Пушкин назвал офицера подлецом, офицер его мальчишкой, и оба решились кончить размолвку выстрелами. Офицер пошел с Пушкиным к нему, и что у них происходило, это им известно. Рутковский рассказывал, что на него бросились с ножом, а Смирнов, что он отвел удар Пушкина; но всего вернее то, что Рутковский хотел вырвать пистолеты и, вероятно, собирался с помощью прибежавшего Смирнова попотчевать молодого человека кулаками, а сей тогда уже принялся за нож. К счастью, ни пуля, ни железо не действовали, и в ту же минуту дали знать наместнику, который велел Пушкина отвести домой и приставить к дверям его караул».

История эта свидетельствует о полном пренебрежении Пушкина к требованиям дуэльного кодекса.

Жизнь его после лица и до Одессы шла от вызова к вызову, от поединка к поединку. Бывали ситуации анекдотические, а бывали и чреватые кровью.

Году в 1818-м, после лица, он получил вызов от Вильгельма Кюхельбекера. Это было совсем не серьезно. Но вскоре, поссорившись в театре с неким майором Денисевичем, поэт получил от него нечто вроде вызова. Денисевич оказался трусом и при секундантах взял свой вызов обратно. Однако ни Пушкин, ни его секунданты этого предвидеть не могли – они готовы были к дуэли по всей форме.

В этот же период произошла и «дуэль с неизвестным», ибо противник Пушкина остался для потомков анонимом.

Двадцатого марта 1820 года Екатерина Андреевна Карамзина писала князю Петру Андреевичу Вяземскому: «У Пушкина каждый день дуэли». Она, разумеется, преувеличивала. Но вряд ли истории с Кюхельбекером или Денисевичем давали ей основания для этого, пускай иронического, утверждения. Мы многого не знаем, хотя некоторые смутные сведения и сохранились. Например, Лугинин, сдружившийся с Пушкиным в Кишиневе, записал в дневнике после их разговора: «Носились слухи, что его высекли в Тайной канцелярии, но это вздор. В Петербурге он имел за это дуэль». Сведения эти явно шли от самого Пушкина, ибо в том же разговоре он рассказал Лугинину о предстоящем поединке с распространителем этих слухов – Федором Толстым-Американцем, и Лугинин предложил себя в секунданты.

Два с половиной кишиневских года Пушкина были особенно богаты дуэльными ситуациями.

В 1821 году он стрелялся с Зубовым. Зубов, офицер Генерального штаба, уличенный Пушкиным в нечистой игре, промахнулся; Пушкин своего выстрела не использовал. Тем не менее поединок был нешуточный – недаром именно дуэль с Зубовым вспоминал он между обмороками, в окровавленной карете, возвращаясь с Черной речки...

В январе 1822 года Пушкин получил вызов от полковника Старова. Повод был пустячный: на танцах музыканты по требованию поэта сыграли мазурку вместо заказанной молодым офицером кадрили. Старов – командир полка, в котором служил этот офицер, – счел это оскорблением полку. Пушкин повел себя так, что поединок стал неизбежен. Боевой офицер, участник Наполеоновских войн, известный храбростью и твердостью характера, Старов был опасным противником. Ход поединка изложил потом Липранди:

«Погода была ужасная; метель до того была сильна, что в нескольких шагах нельзя было видеть предмета, и к этому довольно морозно. (...) Первый барьер был на шестнадцать шагов; Пушкин стрелял первый и дал промах, Старов тоже и просил поспешить зарядить и сдвинуть барьер; Пушкин сказал: „И гораздо лучше, а то холодно“. Предложение секундантов прекратить было обоими отвергнуто. Мороз с ветром... затруднял движение пальцев при зарядании. Барьер был определен на двенадцать шагов, и опять два промаха. Оба противника хотели продолжать, сблизив барьер; но секунданты решительно воспротивились, и так как нельзя было помирить их, то поединок был отложен до прекращения метели».

Помирить противников удалось с трудом. Старов хотел продолжить поединок в зале дворянского клуба, и Липранди не сомневался, что Пушкин «схватится за мысль стреляться в клубном доме». По условиям дуэли – стреляться до результата – это означало смерть или тяжкое ранение одного из противников. Липранди и секундант Пушкина Алексеев, его близкий приятель, все же уладили дело.

Старов, знавший толк в храбрости, оценил поведение своего противника: «Я хотел сказать по правде, что вы так же хорошо стояли под пулями, как хорошо пишете». Пушкин, однако, был недоволен бескровным исходом поединка.

Судя по воспоминаниям свидетелей того периода его жизни, он не просто использовал мало-мальски подходящий повод для создания дуэльной ситуации, но и провоцировал, когда и повода-то не было. В октябре 1820 года из-за пустячной ссоры за бильярдом он вызвал сразу брата генерала Михаила Орлова, уланского полковника Федора Орлова, потерявшего ногу в одном из сражений 1813 года, и своего приятеля Алексея Алексеева, тоже некогда лихого кавалерийского офицера. Ссору погасили благоразумие Орлова и Алексеева и старания Липранди.

«Однажды, – вспоминал Липранди, – в разговоре упомянуто было о каком-то сочинении. Пушкин просил достать ему. Тот (некий случайный собеседник Пушкина. – Я. Г.)¹ с удивлением спросил его: „Как! вы поэт и не знаете об этой книге?!“ Пушкину показалось это обидно, и он хотел вызвать возразившего на дуэль». Было это в марте 1821 года.

В марте 1822-го в разговоре с одной кишиневской дамой Пушкин предложил себя в качестве дуэльного бойца – мстителя за обиду, которую кто-то ей нанес. После довольно грубого отказа дамы, изумленной этим предложением, он вызвал на поединок... ее мужа! А когда тот отказался, дал ему пощечину.

Дуэльные ситуации были его стихией. Все, кто наблюдал поэта у барьера, говорили о его благородном и деловитом хладнокровии в эти минуты. Например, Александр Вельтман:

«Я... был свидетелем издали одного „поля“ и признаюсь, что Пушкин не боялся пули точно так же, как и жала критики. В то время как в него целили, казалось, что он, улыбаясь сатирически и смотря на дуло, замышлял злую эпиграмму на стрелца и на промах».

(Вельтман говорит о двух известных ему «полях» – поединках – Пушкина, состоявшихся в летних садах под Кишиневом. Первый – с Зубовым. Противник во втором нам неизвестен.)

Имеются два свидетельства – Владимира Даля и Александра Тургенева – о каком-то поединке Пушкина в Одессе, окончившемся бескровно.

Липранди, участник нескольких войн и поединков, точно и сжато очертил характер Пушкина-дуэлянта:

«Я знал Александра Сергеевича вспыльчивым, иногда до исступления; но в минуту опасности, словом, когда он становился лицом к лицу со смертью, когда человек обнаруживает себя вполне, Пушкин обладал в высшей степени невозмутимостью, при полном сознании своей запальчивости, виновности, но не выражал ее. Когда дело дошло до барьера, к нему он являлся холодным, как лед. На моем веку, в бурное время до 1820 года, мне случалось не только видеть

---

¹ Здесь и далее примечания автора, кроме особо отмеченных случаев.

множество таких встреч, но не раз и самому находиться в таком положении, а подобной натуры, как у Пушкина, в таких случаях я встречал очень немного».

Что же это было? Неумение ценить свою и чужую жизнь? Гипертрофированное самолюбие?

В июле 1821 года, после несостоявшейся дуэли, Пушкин писал своему противнику письмо, которое можно считать манифестом, энциклопедией его дуэльных представлений тех лет:

К сведению г(осподи)на Дегильи, бывшего французского офицера.
Недостаточно быть трусом, нужно еще быть им в открытую.

Накануне паршивой дуэли на саблях не пишут на глазах у жены слезных посланий и завещания; не сочиняют нелепейших сказок для городских властей, чтобы избежать царапины; не компрометируют дважды своего секунданта².

Все, что случилось, я предвидел заранее и жалею, что не побился об заклад.

Теперь все кончено, но берегитесь.

Примите уверение в чувствах, какие Вы заслуживаете.

Пушкин.

6 июня 1821.

Заметьте еще, что впредь, в случае надобности, я сумею осуществить свои права русского дворянина, раз Вы ничего не смыслите в правах дуэли.

Дворянин не имеет права уклоняться от дуэли. И дворянин имеет неотъемлемое право на дуэль. «Осуществить свои права русского дворянина» – заставить противника выйти на поединок.

Дворянин не имеет права вмешивать государство – городские власти – в дуэльные дела, то есть прибегать к защите закона, запрещающего поединки.

Дворянин не имеет права опускаться на недворянский уровень поведения. Опускаясь на подобный уровень, он лишает себя права на уважительное, хотя и враждебное, поведение противника и должен быть подвергнут унижительному обращению – побоям, публичному поношению. Он становится вне законов чести. И не только потому, что он вызывает презрение и омерзение сам по себе, а потому главным образом, что он оскверняет самое понятие человека чести – истинного дворянина.

Через много лет, добиваясь дуэли с Дантесом и считая, что тот пытается от вызова уклониться, Пушкин собирался бить Геккернов на светском приеме – опозорить как людей вне чести и заставить драться. Письмо к Дегильи – ранний аналог знаменитого письма к Геккерну.

Пушкин называл себя «человеком с предрассудками». Одним из главных предрассудков, определявших его жизнь, было представление о чести как абсолютном регуляторе поведения – личного, общественного, политического.

Предрассудок чести – этот жестокий эталон, с коим он подходил к любому явлению бытия, – пожалуй, ни у кого больше в русской культуре не встречался в столь чистом и всеобъемлющем виде. Но был и еще один предрассудок, органически сочетавшийся с предрассудком чести и игравший огромную роль во взаимоотношениях Пушкина с миром.

---

² Ни генерала, который удостоивает принимать негодяя у себя. – *Примеч. А. С. Пушкина.*

Глава II

Отступление: предрассудок свободы

Трагическая сущность высокой дуэли отнюдь не сводилась к незаконности самосуда и противопоставлению своей гордыни, своей индивидуальной воли государственным установлениям.

Один из крупнейших религиозных русских мыслителей-моралистов Семен Франк в работе «Духовные основы общества», не касаясь проблемы дуэли, тем не менее посвятил принципиально схожей проблематике главу «Основной дуализм общественной жизни». Он писал:

«Это тот загадочный, составляющий постоянную трудность для всех теоретиков права факт, что момент „должного“, начало, нормирующее общественные отношения и идеально их определяющее, существует в двух формах: в форме права и в форме нравственности. Как объяснить тот странный факт, что человеческое поведение, человеческая воля и отношения между людьми подчинены не одному, а двум разным законодательствам, которые по своему содержанию в значительной мере расходятся между собой, что ведет к бесчисленным трагическим конфликтам в человеческой жизни?»³

И далее, объясняя причины этой роковой двойственности, Франк с горечью констатировал:

«Холодный и жестокий мир права, с присущим ему узаконением эгоизма и грубым принуждением, резко противоречит началам свободы и любви, образующим основу нравственной жизни»⁴.

О принципиальной двойственности дуэльной ситуации писал и Юрий Михайлович Лотман в лучшем из лапидарных анализов истории русской дуэли, включенном в комментарий к «Евгению Онегину»:

«Русский дворянин XVIII – начала XIX века жил и действовал под влиянием двух противоположных регуляторов общественного поведения. Как верноподданный, слуга государства, он подчинялся приказу. Психологическим стимулом был страх перед карой, наступающей ослушника. Как дворянин, человек сословия, которое было одновременно и социально господствующей корпорацией и культурной элитой, он подчинялся законам чести. (...) Идеал, который создает себе дворянская культура, подразумевает полное изгнание страха и утверждение чести как основного законодателя поведения»⁵.

Лотман безусловно прав. Он блестяще на нескольких страницах представил «социально-корпоративный» аспект проблемы. Но мы имеем смелость предположить, что этим аспектом дуэльная проблематика в России не исчерпывалась. Дуэльная идеология, разумеется, была порождена социально-корпоративными представлениями дворянства, выработавшими в послепетровский период трудноопределимое, но мощно воздействовавшее понятие чести. Однако в идеальных случаях, в эталонных ситуациях высокой дуэли, которые и составляют суть явления, человек чести вырывался за пределы представлений сословного быта и оказывался в сфере чистой экзистенции – свободного самоосуществления. Недаром основатели экзистенциализма связывали состояние свободы с предельными ситуациями, к которым с неизбежностью относится дуэль.

Лотман настаивает на определяющем ритуальном принципе в дуэльной практике:

---

³ Франк С. Л. Духовные основы общества. Нью-Йорк, 1988. С. 161.

⁴ Франк С. Л. Духовные основы общества. С. 162.

⁵ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С. 92.

«Дуэль, с ее строгим ритуалом, представляющим целостное театрализованное действо – жертвоприношение ради чести, обладает строгим сценарием. Как всякий жесткий ритуал, она лишает участников индивидуальной воли»⁶.

Но само решение выйти на поединок – в ситуации высокой дуэли – было мощным проявлением именно индивидуальной воли, а поведение у барьера оказывалось делом техническим.

Рассматривая историю русской дуэли, мы столкнемся с этими нечастыми, но фундаментальными по смыслу ситуациями, вершинными проявлениями дуэльной практики.

В частности, Пушкин и Лермонтов были фактически инициаторами своих последних дуэлей. Формально вызвал Пушкина Дантес, а Лермонтова – Мартынов. Но оба поэта заставили своих противников пойти на этот шаг.

Для того чтобы приблизиться к пониманию роли дуэли в жизни русского дворянства, в его мировидении, необходимо конкретизировать и практику русской дуэли.

Если возвратиться к чрезвычайно важному для нас тексту Франка, то здесь ключевое понятие – «свобода». Причем свобода не в узко политическом смысле, а скорее свобода определять свое место в несовершенном мире, свобода радикально – смертельно – отторгать от себя пошлость враждебного мира.

Недаром мы употребили в начале выражение – «высокая дуэль».

Пространство русской дуэли было пестрым и многообразным – от вздорных пустяков, приводивших к кровавым развязкам, до поединков, в которых решались экзистенциальные проблемы высшего уровня.

Классическими примерами высокой дуэли были последние поединки Пушкина и Лермонтова, где сквозь назойливую бытовую шелуху грозно мерцал истинный их смысл – смертельная свобода противостояния мировой пошлости.

Этот экзистенциальный смысл высокой русской дуэли – наиболее сложный и загадочный аспект явления, фатально связанный с понятием свободы вне ее банального геополитического смысла.

Глубокий и строгий мыслитель, обладавший редкой способностью абстрагироваться в процессе анализа проблем от политического и общественного быта, Георгий Петрович Федотов писал:

«Никогда, ни на одно мгновение своей жизни Пушкин не может отречься ни от свободы, ни от творчества. <...> Приступая сразу к свободе, не будем сразу ограничивать ее политическими рамками. <...> „Свобода, вольность, воля“... особенно „свободный, вольный“... нет слов, которые чаще бросались бы в глаза при чтении Пушкина. <...> Осознаем ли мы вполне смысл таких строк?

Как вольность, весел их ночлег?..

Чувствуем ли мы всю странность этого образа:

...под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна, —

издевающегося над всеми законами астрономии?»⁷

Герой «Кавказского пленника» у Пушкина, можно сказать, профессиональный дуэлянт:

Невольник чести беспощадной,

---

⁶ Там же. С. 102.

⁷ Федотов Г. П. Империя и свобода. Нью-Йорк, 1989. С. 144.

Вблизи видал он свой конец,

На поединках твердый, хладный,
Встречая гибельный свинец.

И однако же – что было главным для этого «невольника беспощадной чести» – судя по всему – бретера?

Свобода! Он одной тебя
Еще искал в пустынном мире.

«Бросок на Кавказ» пушкинского героя – погоня за «веселым призраком свободы». «Призрак свободы» – любимое выражение Пушкина.

Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?

Неуловимый «призрак свободы», ради которого тем не менее стоит рискнуть жизнью, – одна из главных мотиваций высокой дуэли.

Пушкин недаром представляет нам своего героя, взыскующего свободы, человеком поединка, хотя сюжет этого, на первый взгляд, вовсе не требует. Но жажда свободы и дуэльная практика были для него принципиально связаны между собой. И то, что дуэлянт, отыскивающий свободу у барьера, а затем «летающий» в поисках ее на Кавказ, оказывается в жесточайшей неволе, неволе унижительной, подавляющей личность и исключающей возможность защиты своего достоинства, – резко усиливает драматизм поэмы.

Русский дворянский авангард, чьи представители иногда выходили к барьеру, казалось бы, без сколько-нибудь серьезного мотива – мы с этим столкнемся, – пытался таким образом взломать устоявшееся самопредставление и характер своих отношений с миром, а не с тем или иным противником.

Декабрист Андрей Розен вспоминал, как великий князь Николай Павлович, узнав о дуэльной ситуации в лейб-гвардии Финляндском полку, декларировал перед строем: «Господа офицеры, займитесь службою, а не философией; я философов терпеть не могу, я всех философов в чахотку вгоню!» Отнюдь не будучи знатоком философии, будущий император если и не осознал, то почувствовал подспудную связь дуэльной практики с философическим осмыслением жизни. И был прав.

В знаменитом пятом томе «Философской энциклопедии», в статье «Экзистенциализм», в концентрированном виде дано очень важное для нас соображение Мартина Хайдеггера:

«Выбор своего Я предполагает... необходимость поставить себя перед последней возможностью своего бытия – смертью. Тем самым человек освобождается от власти сущего, то есть предметного и социального мира, и оказывается перед лицом бытия...»

Эта усеченная и извлеченная из контекста цитата, конечно же, не дает представления о всей сложности философской конструкции Хайдеггера, посвященной проблеме свободы. Свобода нерасторжимо связана с восприятием себя личностью. В несвободном мире это рождает мучительные психологические конфликты. «Свобода! Он одной тебя / Еще искал в пустынном мире». Это утверждение себя как личность через предельное приближение к последней черте – смерти, – иногда, как мы увидим, принимало в практике высокой русской дуэли весьма парадоксальные формы.

Разумеется, герои нашей книги не имели и не могли иметь представления ни об экзистенциализме как системе представлений, ни о Хайдеггере, но проблемы они решали те же, по-иному оформляя их в своем сознании.

Для теоретиков экзистенциализма свобода – «тяжкое бремя, которое должен нести человек, поскольку он личность. Он может отказаться от своей свободы, перестать быть собой, стать „как все“, но только ценой отказа от себя как личности»⁸.

Когда мы думаем о дуэльной практике Пушкина, мы должны помнить эту максиму, сформулированную через столетие.

Проблема дуэли-свободы теснейшим образом связана с проблемой смерти, над которой напряженно размышляли Пушкин, Баратынский, Лермонтов. Двое из них сделали «выбор своего Я», встав на черту, с которой открывается пространство бытия.

Примеры высокой русской дуэли в книге погружены в многообразную и пеструю стихию русской дуэльной практики XVIII–XIX веков. Высокая дуэль выростала из этой стихии, процесс ее возникновения был своего рода кристаллизацией этой стихии, и, несмотря на то что в нашем повествовании она занимает достаточно скромное место, именно она является смысловым центром повествования.

---

⁸ Что касается идей экзистенциализма применительно к дуэльной традиции, автор, чтобы избежать обширных цитат из первоисточников и требующих объяснения терминов, воспользовался прозрачной и концентрированной работой крупнейшего специалиста в этой области Пиамы Павловны Гайдено, опубликованной в упомянутом пятом томе «Философской энциклопедии» (М., 1970).

Глава III

Дуэль и власть

Я ненавижу дуэли; это – варварство; на мой взгляд, в них нет ничего рыцарского.

Николай I

Дворянское понятие о чести и бесчестии во внятном Пушкину обличии появилось в послепетровские времена. Честь времен местничества выростала из сознания незыблемости места рода и человека в государственной структуре. Боярину или дворянину допетровских времен и в голову не приходило смывать оскорбление кровью на поединке или просто демонстрацией своей готовности убить или умереть ради чистоты репутации. В этом не было нужды. Государство регулировало отношения между подданными. И не потому, что оно было сильнее и зорче, чем после Петра. А потому, что благородные подданные больше доверяли государству и традиции и меньше связывали понятие чести со своей личностью. Если одному боярину за обиду выдавали другого головой, он считал себя удовлетворенным, хотя его заслуги в происходящем не было никакой. Все делала упорядоченность представлений о сословной ценности рода и человека, поддерживаемая царем. И потому в уложении царя Алексея Михайловича вообще не упоминалось наказание за дуэль, а провозглашалось нечто иное:

«А буде кто при царском величестве выймет на кого саблю или иное какое оружие и тем оружием кого ранит, и от той раны тот, кого он ранит, умрет, или в те же поры он кого до смерти убьет, и того убийца за то убийство самого казнити смертию. А хотя буде тот, кого тот убийца ранит, и не умрет, и того убийца по тому же казнити смертию».

Тут главное – обнажение оружия в присутствии государя, то есть более важен факт оскорбления величества насилеием в его присутствии, чем факт схватки и ее результат. И речь идет здесь отнюдь не о дуэлях в точном смысле слова, а о любом вооруженном инциденте в соответствующей обстановке. Рубка на саблях на царском пиру никакого отношения к делам чести не имела.

Реформы Петра сломали и уничтожили эти представления.

Первый российский император внес в сознание русского дворянина принципиальную двойственность. С одной стороны, знаменитая формула «знатное дворянство по годности считать» порождала у хорошо служащего офицера самоуважение и сознание своей личностной ценности. С другой – каждый более чем когда-либо чувствовал себя рабом – без намека на личное достоинство – по отношению к царю и к государству.

Петр мечтал о невозможном: о самостоятельных, инициативных людях – гордых и свободных в деловой сфере и одновременно – рабах в сфере общественной. Но ощущать личную ответственность за судьбу государства и быть при этом его рабом – немыслимо. В умах и душах русских дворян многие десятилетия шла борьба двух этих взаимоисключающих начал, принимая самые удивительные формы – от поддержки самодержавия Анны Иоанновны в 1730 году до участия в дворцовых переворотах 1741 и 1762 годов. Эта длительная и жестокая борьба привела к образованию внутренне свободного дворянского меньшинства. О дворянском авангарде, достигшем наивысшего уровня самосознания в героях декабризма, именно об этом меньшинстве говорил Лев Толстой в 1858 году, отвергая претензии императора Александра II на приоритет правительства в деле освобождения крестьян:

«Только одно дворянство со времен Екатерины готовило этот вопрос и в литературе, и в тайных и не тайных обществах, и словом, и делом. Оно одно посылало в <18>25 и <18>48 годах, и во все царствование Николая, за осуществление этой мысли своих мучеников в ссылки и на виселицы и, несмотря на все противодействие правительства, поддержало эту мысль в обще-

стве и дало ей созреть так, что нынешнее слабое правительство не нашло возможным более подавлять ее...»

Рождение дворянского авангарда, проницательного и самоотверженного, готового жертвовать собой ради истинных интересов страны и государства, не желавшего мириться с пагубной двойственностью, заложенной Петром в общественный процесс, было едва ли не главным позитивным результатом «петровской революции». Результатом, которого первый император не хотел и не ожидал.

Пройдет более века, и два государственных деятеля – император Николай I и его министр народного просвещения Сергей Уваров – сделают безумную попытку перечеркнуть этот результат, изъять из общего исторического потока этот слой, вернуться к петровской мечте: просвещенный раб – идеальный подданный.

Появление дуэлей в России было неотъемлемой частью бурного процесса образования дворянского авангарда.

Право на поединок, которое, несмотря на жестокое давление власти, отстаивало послепетровское дворянство и особенно дворянский авангард, становилось сильным знаком независимости от деспотического государства. Самодержавие принципиально претендовало на право контролировать все сферы существования подданных, распоряжаться их жизнью и смертью. Сознательный дворянин, оставляя де-факто за собой право на дуэль, резко ограничивал влияние государства на свою жизнь. Право дуэли создавало сферу, в которой были равны все благородные, вне зависимости от знатности, богатства, служебного положения. Кроме разве что высших служебных степеней и членов императорской фамилии. Хотя в декабристские времена и это оказалось не безусловно.

Право на поединок стало для русского дворянина свидетельством его человеческого раскрепощения. Право на поединок стало правом самому решать – пускай ценой жизни – свою судьбу. Право на поединок стало мерилем не биологической, но общественной ценности личности. Оказалось, что для нового типа дворянина самоуважение важнее жизни. Причем для человека дворянского авангарда подлинное самоуважение доступно было лишь «другу человечества». Понятие чести не совмещалось с прозябанием, эгоизмом, общественной индифферентностью.

Но именно самоуважение вовсе не нужно было деспотическому государству. Самоуважение несовместимо с самоощущением раба. Проницательный Петр понял и предусмотрел возможность появления дуэлей и их реальный смысл. «Патент о поединках и начинании ссор» в «Уставе воинском» появился раньше, чем поединки успели сколько-нибудь распространиться в России. Это была превентивная мера, причем Петр явно ориентировался на германское антидуэльное законодательство. В конце XVII века в Германии издан был имперский закон, гласивший:

«Право судить и наказывать за преступление предоставлено Богом лишь одним государям. Поэтому если кто вызовет своего противника на дуэль на шпагах или пистолетах, пешим или конным, то будет приговорен к смертной казни, в каком бы чине он ни состоял. Труп его останется висеть на позорной виселице, имущество его будет конфисковано».

Зерно, разумеется, было в том, что дуэлянты посягали на высшее право государей – распоряжаться жизнью подданных. Недаром во Франции дуэль была объявлена оскорблением величества.

Представления Петра о тяжести вины дуэлянтов были строго определенными:

«Если случится, что двое на назначенное место выедут и один против другого шпаги обнажат, то Мы повелеваем таковых, хотя никто из оных уязвлен или умерщвлен не будет, без всякой милости, такожде и секундантов или свидетелей, на которых докажут, смертию казнить и оных пожитки описать. (...) Ежели же биться начнут и в том бою убиты и ранены будут, то как живые, так и мертвые повешены да будут».

С течением времени эти положения «Устава» приняли более развернутый вид:

«Все вызовы, драки и поединки через сие наистрожайше запрещаются таким образом, чтобы никто, хотя б кто он ни был, высока или низкого чина, прирожденный здешний или иноземец, хоть другой кто, словами, делом, знаками или иным чем к тому побужден или раззадорен был, отнюдь не дерзал соперника своего вызвать, ниже на поединок с ним на пистолетах или шпагах биться. Кто против сего учинит, оный всеконечно, как вызыватель, так кто и выйдет, иметь быть казнен, а именно повешен, хотя из них кто будет ранен или умерщвлен, или хотя оба не ранены оттого отойдут. И ежели случится, что оба или один из них в таком поединке останется, то их и по смерти за ноги повесить».

И в следующем пункте:

«Ежели кто с кем поссорится и уприсит секунданта (или посредственника) оного купно с секундantom, ежели пойдут и захотят на поединке биться, таким же образом, как и в прежнем артикуле упомянуто, наказать надлежит».

Тут явственное стремление охватить законом все виды вооруженного самосуда, отменяющего в сфере личных конфликтов юрисдикцию государства.

Справедливости ради надо сказать, что неприятие дуэли как фактора общественного регулирования, независимого от власти, было свойственно не только деспотическим формациям. Император Священной Римской империи, а прежде всего Австрии, Иосиф II, либеральный реформатор, современник Екатерины II, заявлял:

«Я не хочу и не терплю никакого поединка в моей армии; презираю тех, кто старается оправдывать его и хладнокровно пронзает своего соперника. (...) Таковую варварскую привычку, которая прилична столетию Тамерланов и Баязидов и которая часто имела весьма печальные последствия, я хочу уничтожить и подвергать строгому наказанию, хотя бы то стоило мне даже половины моих офицеров. Есть еще люди, кои с характером геройского мужества соединяют характер доброго подданного, и таковым может быть только тот, кто уважает государственные законы и религию».

Если в последней трети XVIII века, века Просвещения, века господства Разума, либеральный император военной империи с такой яростью обрушивается на дуэльную практику, то легко себе представить, какие чувства вызвала сама мысль о распространении дуэлей в Российской военной империи у отнюдь не либерального Петра.

Опасность была вполне реальная.

Один из любимцев Петра последних лет генерал Бурхард Миних в молодости едва не погиб на поединке. Осенью 1705 года он записал в дневнике:

«Августа 28-го был опасно ранен на дуэли с капитан-поручиком Вобезером, с которым я перед тем ни разу не говорил; я нанес ему поверхностную рану через грудь от одного сосца до другого, а он проткнул мне два раза правую руку и в последний раз, когда я был утомлен потерей крови, попал в локтевой сустав с такою силою, что шпага прошла насквозь до самого горла».

Петр понимал, что появление в русской армии иноземных офицеров, обучение русских дворян в Европе неизбежно принесут в Россию дуэльный обычай, и делал все возможное, чтобы эту опасность нейтрализовать.

Хотя он, несомненно, различал поединок и драку с применением оружия, но он не желал терпеть в русской армии ничего, хотя бы отдаленно напоминающего поединки. Когда в 1709 году генералы Рённе и Розен в подпитии бросились друг на друга со шпагами и Рённе был серьезно ранен, то Петр хоть и не расценил это как поединок, однако пускай и с почетом, но отправил Розена в отставку.

В сентябре 1717 года Конон Зотов, который надзирал за молодыми русскими дворянами, постигавшими морское дело во Франции, сообщил кабинет-секретарю Алексею Макарову:

«Еще принужден сие письмо написать до вашей милости, в котором доношу, что гардемарин Хлебов поколол шпагою гардемарина Бярятинского и за то под арестом обретается; г(осподин) вице-адмирал не знает, как их приказать содержать, ибо у них таких случаев никогда не прилучается; хотя колются только честно, на поединках, лицом к лицу».

Узнав о случившемся, Петр раздраженно предписал:

«Понеже уведомились мы, что гардемаринны наши в Бресте и в Тулоне живут не смирно и некоторые между собой передрались и перекололись шпагами, того для объявите об них адмиралтейским судьям или отпишите, дабы их за преступления их штрафовали по своим правам, как надлежит, кто чего будет достоин».

Царь отдавал столь необходимых русскому флоту специалистов во власть французскому судопроизводству и готов был лишиться их, но не желал привнесения извне дуэльной заразы. Он догадывался, что схватка гардемаринов – не просто мальчишеское буйство.

Судя по письму Зотова, то, что произошло между Хлебовым и Бярятинским, было мало похоже на поединок. Но в подобных происшествиях уже содержалось зерно будущей дуэльной традиции. Русское дворянство будет вырабатывать эту традицию много десятилетий – мучительно, неуклюже, кроваво, но – неуклонно. И постепенно доведет ее до истинно общественных высот, до высоты мятежного смысла.

Право на дуэль, вопреки мнению Екатерины II, в конечном счете оказалось отнюдь не слепым подражанием Европе, а потребностью общественного самоутверждения, средством защиты своей личности от всеобъемлющих претензий деспотического государства.

Но для того чтобы дуэли стали общественным фактором, угрожавшим всеобъемлющей самодержавной власти над всеми сторонами человеческого существования, должно было выкристаллизироваться и очиститься новое понятие чести. А для того чтобы это произошло, должно было сформироваться ясное представление о месте дворянина в новой системе общественных ценностей, ибо старая система уже не существовала.

Глава IV

Человек с предрассудками (II)

Для человека дворянского авангарда ценность собственной личности была связана с сознанием ответственности за судьбу страны и государства. Человек дворянского авангарда защищал на дуэли не только и не столько свое самолюбие, сколько свое достоинство – человека определенной позиции. Человек дворянского авангарда, выходя на поединок, защищал и свою репутацию – реального или потенциального общественного деятеля.

Человек дворянского авангарда осознавал себя защитником и средоточием идеи независимости. В том числе и духовной независимости от деспотического механизма самодержавия. Недаром в «Медном всаднике» Пушкин поставил рядом «независимость» и «честь».

Если для массы русских дворян – как общественно индифферентных, так и консервативных – понятие чести сливалось либо с личным самолюбием, либо с понятием о корпоративной особости, то для человека дворянского авангарда это понятие, включая в себя и личный, и корпоративный оттенки, стало по преимуществу понятием историкообразующим. Честь истинного дворянина оказалась для него катализатором процесса очищения общественной жизни, искоренения рабства снизу доверху, формирования человека свободного, исполненного гражданских добродетелей.

«Клянемся честью...» – начиналось стихотворение, посвященное самой знаменитой декабристской дуэли, о которой пойдет еще речь.

Для Пушкина в понятие чести входило все это: и независимость дворянина, и способность оказаться на стороне невинно угнетенного, и верность своему долгу – вне зависимости от выгоды, и личное бесстрашие в защите своих правил и представлений. Моментом перелома в судьбе гордого рода Пушкиных он числил переворот 1762 года:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.

Лев Пушкин следовал велению чести, и это оказалось роковым для его потомков.

Для человека дворянского авангарда следование велению высокого долга предопределено было понятием чести, а осознание долга, в свою очередь, формировало это понятие. Недаром, печально глядя на нравственное и общественное падение дворянства в николаевские времена, Пушкин считал необходимым учить новые поколения дворян «чести вообще». И здесь наличие права на дуэль представлялось ему суровым, но великим средством воспитания.

Право на дуэль всю жизнь оставалось для Пушкина гарантией окончательной независимости, последней, но незыблемой опорой, прорывом в свободу. В принципе отрицая мятеж как средство переустройства мира, он не исключал его неизбежности и необходимости в обстоятельствах чрезвычайных. В последние годы дуэль оказалась для Пушкина узаконенной требованиями чести формой мятежа с оружием в руках.

К осознанию этой позиции он пришел не сразу – она сложилась в 1830-е годы. Но он последовательно шел этим путем с юности.

В южный период, помимо общих категорий, его тревожили и определяли его поведение вещи весьма конкретные. Странность его положения – первый поэт России и, соответственно, фигура общенационального масштаба, но при этом, по другой шкале, мелкий чиновник и нищий дворянин – порождала в нем острое ощущение опасности, ежеминутной возможности покушения на его достоинство. Для этого покушения не нужно было специальной злонамерен-

ности. Достаточно было оценить его по второй шкале и отнести к нему как к коллежскому секретарю двадцати одного года от роду. Он это отлично понимал и исчерпывающе сформулировал: «Воронцов – вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое».

В Кишиневе он вел своего рода превентивную войну. Он создавал себе репутацию бретера и, рискуя жизнью, неоднократно ее подтверждал потому, что защищал в себе достоинство поэта-свободолюбца и человека дворянского авангарда. Подоплекой его нелепой, на первый взгляд, ссоры с отставным штабс-капитаном Рутковским было произошедшее накануне политическое столкновение.

Люди, знавшие Пушкина отдаленно, воспринимали этот стиль поведения только как проявление его дурного характера. Декабрист Николай Басаргин, человек умный и щепетильный, наблюдавший Пушкина в южный период – в Одессе и ранее, вынес ему такой приговор:

«Я еще прежде всего этого имел случай видеть его в Тульчине у Киселева. Знаком я с ним не был, но в обществе раза три встречал. Как человек он мне не понравился. Какое-то бретерство, *suffisance*⁹ и желание осмеять, уколоть других. Тогда же многие из знавших его говорили, что рано или поздно, а умереть ему на дуэли. В Кишиневе он имел несколько поединков, но они счастливо ему сходили с рук».

Характер у него и в самом деле был нелегкий, но отнюдь не все обладатели дурных характеров стрелялись тогда по несколько раз в год. Он не мог снести даже тени оскорбления потому, что, во-первых, осознавал себя Пушкиным, а во-вторых, представлял группу дворян, которая была солью России.

В канун южной ссылки его путь пересекся со зловещим путем графа Федора Ивановича Толстого-Американца. Пушкин не без оснований считал, что Толстой распускал о нем оскорбительные слухи, и решил опровергнуть их дуэлью.

Федор Толстой – храбрец, шулер, остроумец, человек совершенно безнравственный – к тому времени уже убил на поединках нескольких противников. Предание приписывает ему одиннадцать смертей. Во всяком случае, сохранились точные мемуарные свидетельства о двух его дуэлях со смертельным исходом. Служа в гвардии, он в течение одной недели убил капитана Генерального штаба Брунова и прапорщика лейб-гвардии Егерского полка Нарышкина. Причиной обоих поединков была невоздержанность Толстого на язык, его склонность к острым и оскорбительным шуткам и сплетням. Дворянин Пушкин не мог пренебречь клеветой Толстого-Американца не только из-за личной обиды, но и потому, что тень не должна была лечь на поэта Пушкина.

Предстоящая дуэль с Толстым во многом определила его поведение. Толстой – великий дуэлянт, бретер-убийца, легко бравший на душу чужую смерть, превосходный стрелок и опытный поединщик – и на этот раз пустил бы в дело свое страшное искусство, тем более что инициатором дуэли был Пушкин.

Эта скорая и неизбежная, по мнению Пушкина, встреча заставляла его непрестанно испытывать себя – не только часами сажая в стену пулю за пулей и укрепляя руку ношением железной трости, но и подставляя грудь под чужие выстрелы, вырабатывая ту особую психологическую сноровку, которая помогает дуэлянту вести себя у барьера максимально целесообразно, вырабатывая безотказный механизм поведения, свойственный профессионалам.

Неожиданная ссылка отодвинула события конца 1810-х годов. Привезенный в 1826 году в Москву для встречи с новым императором, Пушкин в тот же день отправил Толстому вызов, но прошедшее пятилетие притупило для него остроту оскорбления, а Толстой постарел и больше не жаждал крови. Катастрофа 14 декабря радикально изменила общую ситуацию и

---

⁹ Самомнение (*фр.*).

осветила прошлое новым светом. Стало не до сведения счетов – даже таких. По желанию Толстого они помирились.

Предвидя роль дуэлей в своей судьбе, он жадно интересовался всем, что касалось поединков. «Дуэли особенно занимали Пушкина», – вспоминал Липранди.

В конце жизни, вступив в неразрешимый конфликт с российским общественным бытом, он сделал ставку на дуэль как единственное средство разорвать роковой узел.

Три дуэльные ситуации 1836 года, предшествующие роковому конфликту с Дантесом, – вызовы графу Владимиру Соллогубу, отставному гвардейскому офицеру Семену Хлюстину и фактический, хотя и почтительно завуалированный вызов Николаю Григорьевичу Репнину-Волконскому, старшему брату декабриста Волконского, – это была отнюдь не просто игра взвинченного самолюбия или защита своей чести (в этих случаях на нее никто всерьез не посягал). Это была отчаянная попытка, встав на смертельную черту, изменить свои взаимоотношения с миром, почувствовать себя свободным, шагнуть в пространство бытия, очищенное от гнетущего быта.

В 1835 или 1836 году Пушкин приобрел двухтомную «Историю дуэли со старины до наших дней»¹⁰ француза Фужеру де Кампиньоля. Она сохранилась в его библиотеке. Во втором томе, посвященном дуэлям, происходившим не только в Европе, но и даже в Африке, Азии, Америке и Океании, Пушкин разрезал страницы глав, которые повествуют о дуэлях в Англии и Северной Европе. А глава, посвященная дуэлям в России и Польше, оказалась вырванной¹¹.

Причина столь странного поступка объяснима – Пушкина привело в ярость содержание главы. Она и в самом деле свидетельствует о полном невежестве автора и его крайне легкомысленном отношении к проблематике, столь важной для Пушкина¹².

Продаваться в России, с ее строгими запретами на поединки, легально книга не могла; стало быть, Пушкин, узнав о ее выходе в Париже и Женеве, нашел способ ее получить. А это еще раз подтверждает сообщение Липранди о жадном интересе Пушкина ко всему, что касалось дуэлей. Интересе, сохранившемся, как видим, до последних лет жизни. Более того, в последние годы жизни он еще яснее провидел возможную роль дуэли в своей судьбе. Погибая от «отсутствия воздуха», как писал Блок, то есть от гнетущей несвободы, он делал ставку на дуэль как на способ вырваться из-под гнета обстоятельств – и освободиться.

---

¹⁰ *Fougeroux de Campigneulle M. Histoire des Duels anciens et modernes. V. 2. Paris; Genève, 1835. P. 321–368.*

¹¹ На это обратил внимание В. Ф. Миронов в книге «Стрелялись мы... Дуэли в жизни русских писателей» (СПб., 1994. С. 36).

¹² Хотя возможна и другая версия, предложенная хранительницей пушкинской библиотеки Т. И. Краснобородько: если книга шла в Россию официальным путем, эта глава могла быть изъята цензурой.

Глава V

Дуэль как прорыв из быта в бытие

Имеется немного явных примеров, когда инициаторы дуэли ставили перед собой задачу не защитить свою честь, как того требовали дуэльный кодекс и традиция, но создать предельную ситуацию, ставящую человека лицом к лицу со смертью без всяких на то бытовых причин.

Приведем два классических примера подобных ситуаций.

Героем одной из них был Михаил Сергеевич Лунин, являвший собой идеальный образец «идейного бретера», выработавшийся в декабристской среде и столь близкий Пушкину.

Рассказы современников о легендарной дуэли декабриста Михаила Лунина и Алексея Орлова не дают точной датировки, но это и не важно. Она могла произойти в канун 1812 года. Два из трех источников, сообщающих обстоятельства дуэли, утверждают, что ни малейшего формального повода для поединка не было, а Лунин спровоцировал его вопреки всем дуэльным правилам. И даже если принять вариант Дмитрия Завалишина, то и тогда законного повода для смертельной дуэли отнюдь не было. К тому же сведения Завалишина были явно получены из третьих рук. Алексей Свистунов же сам был офицером лейб-гвардии Кавалергардского полка и, соответственно, мог слышать рассказы о похождениях Лунина от его старожил. Лунин во время пребывания в Чите и на поселении, до ссылки в Акатуйский рудник, вряд ли сам рассказывал историю дуэли, иначе до нас дошла бы его авторская версия – без вариантов. Свистунов рассказывал:

«Офицеры Кавалергардского и Конногвардейского полков по какому-то случаю обедали за общим столом. Кто-то из молодежи заметил шуткой Михаилу Сергеевичу, что А(лексей) Ф(едорович) Орлов ни с кем еще не дрался на дуэли. Лунин тотчас же предложил Орлову доставить ему случай испытать новое для него ощущение. А(лексей) Ф(едорович) Орлов был в числе молодых офицеров, отличавшихся степенным поведением, и дорожил мнением о нем начальства, но от вызова, хотя и шутливой формой прикрытого, нельзя было отказаться».

Однако в рассказе Завалишина все выглядело несколько по-иному:

«Однажды при одном политическом разговоре в довольно многочисленном обществе Лунин услышал, что Орлов, высказав свое мнение, прибавил, что всякий честный человек не может и думать иначе. Услышав подобное выражение, Лунин, хотя разговор шел не с ним, а с другим, сказал Орлову: „Послушай, однако же, А(лексей) Ф(едорович)! Ты, конечно, обмолвился, употребляя такое резкое выражение; советую тебе взять его назад; скажу тебе, что можно быть вполне честным человеком и, однако, иметь совершенно иное мнение. Я даже знаю сам много честных людей, которых мнение никак не согласно с твоим. Желая думать, что ты просто увлекся горячностью спора“. – „Что же ты меня, провоцируешь, что ли?“ – сказал Орлов... – „Я не бретер и не ищу никого провоцировать, – отвечал Лунин, – но если ты мои слова принимаешь за вызов, я не отказываюсь от него, если ты не откажешься от твоих слов!“ Следствием этого и была дуэль».

Но если повод вызова представлен был современниками по-разному, то ход дуэли они описывали совершенно согласно. Орлов был плохой стрелок. Нелепое положение, в которое он попал, оказавшись перед необходимостью драться и тем, возможно, испортить карьеру, не прибавляло ему уверенности. Он выстрелил и промахнулся.

Лунин же разрядил пистолет в воздух и стал давать противнику издевательские советы «попытаться другой раз, поощряя и обнадеживая его, указывая притом прицеливаться то выше, то ниже», чем довел Орлова до бешенства. Вторым выстрелом Орлов прострелил Лунину шляпу. Лунин снова выстрелил вверх, «продолжая шутить и ручаясь за полный успех после третьего выстрела». Но секунданта, одним из которых был брат Алексея – Михаил Орлов, развели противников.

«Я вам обязан жизнью брата», – сказал Михаил Орлов Лунину после дуэли. Но Лунин отнюдь не собирался убивать Алексея Орлова. Задача была принципиально иная. Выдержав два выстрела от разъяренного противника, каждый из которых мог быть смертельным, он в полной мере ощутил ту свободу, которая давалась человеку только на границе между бытом и бытием.

Один из современников утверждал, что Лунин провоцировал множество поединков, в которых он неизменно стрелял в воздух и был неоднократно ранен. Это миф, но миф характерный. Хотя об одном тяжелом ранении известно точно.

Другую важную для нас историю рассказывает в своих мемуарах князь Александр Васильевич Мещерский, впоследствии видный общественный деятель, а в конце 1830-х годов юный офицер лейб-гвардии Гусарского полка, служивший в нем одновременно с Лермонтовым. Мещерский пересказывает историю, случившуюся, по его словам, за год до его появления в полку в 1838 году¹³, которую ему поведал летописец полка ротмистр Ломоносов:

«Он мне рассказывал, между прочим, в подробностях о поразительном по своей неожиданности и роковом по своим последствиям событии, происшедшем в полку за год перед тем, а именно о дуэли между двумя задушевными приятелями, князем Долгоруким и князем Яшвилем. Они оба принадлежали к Ломоносовскому учению, т(о) е(сть) делили время вместе, никогда не заглядывая в Петербург, проводя бесконечно длинные зимние вечера за картами.

Князь Долгорукий, сын князя Николая Андреевича Долгорукого, всеми любимого харьковского генерал-губернатора, кончившего жизнь так плачевно (самоубийством из-за какого-то недочета казенных денег), был красивый молодой человек, блестящего ума и с большими связями в высшем свете. Поэтому он, отрекаясь от света, где он играл весьма видную роль, приносил гораздо ббольшую жертву из-за принципа товарищества, чем князь Яшвиль, который, несмотря на свои несомненные качества ума и сердца, был некрасив, неуклюж и далеко не пользовался в петербургском обществе одинаковым с князем Долгоруким положением. Разумеется, это последнее не могло помешать существованию между ними самой искренней и тесной дружбы. Для этих неразлучных друзей жизнь текла невозмутимо, когда неожиданное обстоятельство ее нарушило. Князь Яшвиль, быв раз в Петербурге по делу, опоздал вернуться с вечерним поездом в Царское Село и, не зная, где провести этот вечер, отправился в Русский театр, где нежданно и негаданно для него самого влюбился по уши в какую-то молоденькую актрису.

Будучи довольно застенчивого десятка, он тщательно скрывал свою первую жгучую страсть даже от своего друга Долгорукого, который по вечерам страшно скучал один без своего обычного партнера и за каждую отлучку делал ему довольно горькие упреки, на которые Яшвиль давал ему объяснения, ссылаясь на какие-то неотложные дела. Это огорчало Долгорукого, которому, однако, совершенно случайно довелось наконец узнать истину.

Это случилось уже перед самым лагерем, именно в то время, когда офицеры всегда в сборе обедают ежедневно вместе в артели и когда отсутствие каждого товарища заметнее для всех и требует более предосторожностей, времени и денежных трат на наем троек и пр(очее), чтобы всегда вовремя попадать на службу. По-видимому, влюбленного Яшвиля ничто не оставляло: не только упреки его приятеля и друга, но даже и страх оказаться неисправным по службе офицером. Он из Красного Села продолжал беспрестанно скакать в Царское Село, а оттуда по железной дороге в Петербург.

Тогда Долгорукий, у которого язык, как говорят, был как бритва, для исцеления своего приятеля начал на него действовать сарказмами. Он долго преследовал Яшвиля разными шутками, между прочим представляя его Аполлоном Бельведерским и победителем сердец, что к калмыцкому типу лица и вообще наружности его вовсе не шло и могло только возбуждать

---

¹³ На самом деле история эта случилась в 1842 г.

смех. Яшвиль, не всегда находчивый, отвечал ему как умел, но добродушно и без всякой злобы, от всей души прощая своему другу его сарказмы.

Как-то раз случилось так, что Яшвиль возвратился из Петербурга в лагерь во время артельного обеда. Офицеров за столом сидело много, когда вошел Яшвиль и сел на свое обычное место возле Долгорукого. Речь за столом зашла о Петербурге, о театре и о выдающихся актрисах. Долгорукий вмешался в разговор и своим авторитетным, обычным для него тоном начал расточать такие колкости насчет той самой актрисы, в которую Яшвиль был влюблен, что после его слов наступило неловкое молчание. Всем как-то сделалось не по себе; чувствовалось, что Долгорукий зашел слишком далеко. Но скоро разговор опять оживился, и обед кончился, как всегда, обильными струями выпитого шампанского, после чего все разошлись по своим углам на послеобеденный отдых.

Недолго пришлось князю Яшвилю отдохнуть сном праведным после обильной трапезы; он услышал вдруг знакомый ему голос его приятеля князя Долгорукого, который вошел к нему без доклада и громко его предварил, что он к нему пришел, чтобы поговорить с ним об одном важном деле. Сначала князь Яшвиль принял это за новую шутку приятеля и, не раскрывая глаз, повернулся на другую сторону, прося князя оставить его в покое и не мешать ему, так как он до смерти спать хочет. Но когда Долгорукий вновь настойчиво повторил им сказанное, Яшвиль, протирая глаза, сел на постель, устремил на Долгорукого недоумевающий вопросительный взгляд и, посторонясь немного, пригласил друга своего сесть на постель.

Тот присел на край постели и медленно, с расстановкой, начал свою речь следующими словами:

– Я пришел к тебе сказать, что я перед тобою виноват, так как я умышленно оскорбил тебя, и что я готов дать тебе удовлетворение. Я знаю, что ты его не требуешь и требовать не будешь только потому, что ты стесняешься давно установившейся нашей прежней дружбой; но я поэтому-то к тебе и пришел, чтобы развязать тебе руки и объяснить тебе, что ты этим не должен стесняться, а обязан отплатить мне за нанесенную тебе обиду.

– Да я совсем не обижен! – вскрикнув, прервал его Яшвиль.

– Положим, – продолжал задумчиво, но раздраженным голосом Долгорукий, – что ты не чувствуешь обиды; но это не снимает с меня обязанности, как честного человека, дать тебе удовлетворение.

– Как! – вскричал Яшвиль. – Ты в самом деле хочешь, чтоб я с тобой стрелялся? Помилуй Бог!.. Ты, я полагаю, с ума сошел. Ты, верно, не выспался. Ступай спать и оставь меня в покое! Я тебе опять повторяю, что я не обижаюсь и забыл даже, оскорбил ли ты меня или нет. За что же мне стреляться? Это чепуха какая-то!..

– Нет, – возвышая голос, сказал Долгорукий, – ты, видно, не хочешь меня понять. Слушай: из молодых офицеров в полку мы с тобою старшие. Разговор за обедом происходил при всех. Что подумают о нас и какое будут питать к нам уважение все эти молодые товарищи, если оскорбление, мною тебе учиненное, не будет иметь удовлетворения и останется без последствий? Нет, это так остаться не может: мы должны стреляться.

На это Яшвиль очень хладнокровно ему повторил несколько раз:

– Нет, я положительно тебе повторяю, что я с тобою стреляться не буду.

– Что же, – сказал ему на это презрительно Долгорукий, – ты трусишь, что ли?

Яшвиль вспыхнул.

– Пойдем! – сказал он спокойно и начал одеваться, не говоря ни слова. Он тотчас внутренне решил, что если действительно дело дойдет до поединка, во что он еще не верил, то он будет стрелять на воздух.

Пока Яшвиль одевался, Долгорукий, сидя, передал ему весьма хладнокровно и невозмутимо, что он уже принес с собою два заряженных пистолета. Затем он объяснил, что он полагал бы за лучшее не подвергать товарищей неприятностям и потому стреляться без секундантов;

что он думает стреляться в 15 шагах и что первый выстрел принадлежит оскорбленному, т(о) е(сть), стало быть, что Яшвиль должен стрелять первый.

– Я на все согласен, – сказал Яшвиль с не меньшими равнодушием и невозмутимостью, – мне все равно, какие будут условия.

Приятели отправились вместе как будто на прогулку. Никто из тех лиц, которые могли их встретить, не обратил на них внимания, видая их постоянно вместе и зная, что они друзья неразлучные. Отойдя недалеко от места, Долгорукий остановился в поросших невдалеке кустарниках и, отыскав в них небольшую площадку, предложил Яшвилю остановиться тут. Яшвиль молча кивнул головой. Долгорукий отмерил 15 шагов, отметил расстояние сухими сучьями и, вынув из карманов пару заряженных пистолетов, подал их Яшвилю для выбора. Яшвиль, не глядя, взял первый пистолет, ему попавшийся.

Оба стали на свои места. Долгорукий с опущенным пистолетом потребовал, чтобы Яшвиль первый выстрелил. Яшвиль молча покорился и, приподнимая медленно пистолет, тотчас спустил курок, полагая, что пуля уйдет в землю. Долгорукий зашатался и упал. Пуля ударила о большой камень, незаметный на поверхности земли, и рикошетом попала прямо в сердце Долгорукому. Он был убит наповал.

Можно себе представить ужас и отчаяние князя Яшвиля, когда, подбежавши к нему, чтобы его поддержать, он убедился, что Долгорукий уже перестал дышать и что он держит в своих руках безжизненный труп своего любимого друга!

Так ужасно и трагически кончилась эта небывалая дуэль между закадычными друзьями, которая останется навсегда памятна в летописях лейб-гвардии Гусарского полка.

Нельзя в настойчивости князя Долгорукого на этот безумный поединок, стоивший ему жизни, не видеть предопределения – в полном смысле этого слова».

Есть все основания предположить, что князь Долгорукий, человек «блестящего ума», использовал дуэль как средство вырваться из рутинной полковой быта, а возможно, быта вообще, ибо имел все возможности традиционной светской жизни, но ему нужно было другое.

Случай Долгорукого еще показательнее, чем лунинский. Лунин был известен своей экстравагантностью. Долгорукий этим не отличался вовсе. Спровоцировать дуэль – без секундантов! – с лучшим другом можно было только в ситуации острого внутреннего кризиса. Можно с уверенностью сказать, что он в конце концов заставил бы Яшвиля стрелять в себя, иначе вся затея теряла смысл и превращалась в фарс, оскорбительный для обоих участников. Долгорукий же, судя по всему, относился к моделируемой им ситуации с полной серьезностью.

Глава VI

Неистовства молодых людей

*Зайдя в огород, дрались и кричали «караул».
Из военно-судного дела*

Идейная – высокая – дуэль в жизни российских дворян была явлением определяющим, но нечастым. Крупный пунктир идейных дуэлей на протяжении екатерининского, павловского, александровского царствований окружала буйная, веселая, иногда анекдотическая стихия дуэлей случайных, нелепых, но кончавшихся подчас довольно скверно.

До самого конца XVIII века в России еще не стрелялись, но рубились и кололись. Дуэль на шпагах или саблях куда менее угрожала жизни противников, чем обмен пистолетными выстрелами. («Паршивая дуэль на саблях», – писал Пушкин Дегильи.)

В «Капитанской дочке» поединок изображен сугубо иронически. Ирония начинается с княжнинского эпиграфа к соответствующей главе: «– Ин изволь и стань же в позытуру. / Посмотришь, проколю как я твою фигуру!»

Хотя Гринев дерется за честь дамы, а Швабрин и в самом деле заслуживает наказания, но дуэльная ситуация в описании Пушкина выглядит донельзя забавно:

«Я тотчас отправился к Ивану Игнатьичу и застал его с иголкой в руках: по препоручению комендантши он нанизывал грибы для сушенья на зиму. „А, Петр Андреич! – сказал он, увидя меня. – Добро пожаловать! Как это вас бог принес? по какому делу, смею спросить?“ Я в коротких словах объяснил ему, что я поссорился с Алексеем Иванычем, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моим секундантом. Иван Игнатьич выслушал меня со вниманием, вытараща на меня свой единственный глаз. „Вы изволите говорить, – сказал он мне, – что хотите Алексея Иваныча заколоть и желаете, чтоб я при том был свидетелем? Так ли? смею спросить“. – „Точно так“. – „Помилуйте, Петр Андреич! Что это вы затеяли? Вы с Алексеем Иванычем побранились? Велика беда! Брань на вороту не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье – и разойдитесь; а мы вас уж помирим. А то: доброе ли дело заколоть своего ближнего, смею спросить? И добро б уж закололи вы его: бог с ним, с Алексеем Иванычем; я и сам до него не охотник. Ну а если он вас просверлит? На что это будет похоже? Кто будет в дураках, смею спросить?“»

И эта сцена «переговоров с секундантом», и все дальнейшее выглядит как пародия на дуэльный сюжет и на самую идею дуэли. Это, однако же, совсем не так. Пушкин, с его удивительным чутьем на исторический колорит и вниманием к быту, представил здесь столкновение понятий двух эпох. Героическое отношение Гринева к поединку кажется смешным потому, что оно сталкивается с представлениями людей, выросших в другие времена, не воспринимающих дуэльную идею как необходимый атрибут дворянского жизненного стиля. Она кажется им блажью. Иван Игнатьич подходит к дуэли с позиции здравого смысла. А с позиции бытового здравого смысла дуэль, не имеющая оттенка судебного поединка, а призванная только потрафить самолюбию дуэлянтов, несомненно, абсурдна.

«Да зачем же мне тут быть свидетелем? – вопрошает Иван Игнатьич. – С какой стати? Люди дерутся; что за невидальщина, смею спросить? Слава богу, ходил я под шведа и под турку: всего насмотрелся».

Для старого офицера поединок ничем не отличается от парного боя во время войны. Только он бессмыслен и несправедлив, ибо дерутся свои.

«Я кое-как стал изъяснять ему должность секунданта, но Иван Игнатьич никак не мог меня понять».

Он и не мог понять смысла дуэли, ибо она не входила в систему его представлений о нормах воинской жизни.

Вряд ли и сам Петр Андреевич сумел бы объяснить разницу между поединком и вооруженной дракой. Но он – человек иной формации – ощущает свое право на это не совсем понятное, но притягательное деяние.

С другой же стороны, рыцарские, хотя и смутные, представления Гринева совершенно не совпадают со столичным гвардейским цинизмом Швабрина, для которого важно убить противника, что он однажды и сделал, а не соблюсти правила чести. Он хладнокровно предлагает обойтись без секундантов, хотя это и против правил. И не потому, что Швабрин какой-то особенный злодей, а потому, что российский дуэльный кодекс еще размыт и неопределен.

Поединок окончился бы купанием Швабрина в реке, куда загонял его побеждающий Гринева, если бы не внезапное появление Савельича. И вот тут отсутствие секундантов позволило Швабрину нанести предательский удар.

Именно такой поворот дела и показывает некий оттенок отношения Пушкина к стихии «незаконных», неканонических дуэлей, открывающих возможности для убийств, прикрытых дуэльной терминологией.

Люди, сформировавшиеся в елизаветинские времена, смотрели на дуэльные обычаи весьма свободно, в результате чего ситуации, которые должны были кончиться кровью, кончались анекдотом.

Одну такую историю – чрезвычайно характерную – рассказал в своих «Записках» Гаврила Романович Державин:

«В сем (1777-м. – Я. Г.) году, около мая месяца, случилось с ним (Державиным, который пишет о себе в третьем лице. – Я. Г.) несколько сначала забавное приключение. (...) Меньший из братьев Окуневых поссорился, быв на конском бегу, с вышеупомянутым Александром Васильевичем Храповицким, бывшим тогда при генерал-прокуроре сенатском обер-прокурором в великой силе. Они ударили друг друга хлыстиками и, наговорив множество грубых слов, решили ссору свою удовлетворить поединком. Окунев, прискакав к Державину, просил его быть с его стороны секундантом, говоря, что от Храповицкого будет служивший тогда в Сенате секретарем, что ныне директор Дворянского банка, действительный статский советник Александр Семенович Хвостов. Что делать? С одной стороны, короткая приязнь препятствовала от сего посредничества отказаться, с другой – соперничество против любимца главного своего начальника, к которому едва только стал входить в милость, ввергло его в сильное недоумение. Дал слово Окуневу с тем, что ежели обер-прокурор первого департамента Резанов, у которого он в непосредственной состоял команде, который тоже был любимец генерал-прокурора и сей, как Державин, по некоторым связям в короткой приязни, не попротивуречит сему посредничеству; а ежели сей того не одобрит, то он уговорит друга своего... Гасвицкого, который был тогда уже майором. С таковым предприятием поехал он тотчас к господину Резанову».

Здесь с замечательной яркостью вырисовывается сознание, для которого дуэльные обычаи и вопросы чести в новом ее понимании – глубокая жизненная периферия. Честь честью, дуэль дуэлью, но рисковать из-за таких эфемерных материй своей карьерой, расположением начальника прямой и справедливый Державин вовсе не склонен. У него иные, можно сказать, петровские еще представления:

«Дуэль, по несысканию Гасвицкого, остался на его ответе. Должно было выехать в Екатерингоф на другой день в назначенном часу. Когда шли в лес с секундантами соперники, то последние, не будучи отважными забияками, скоро примирены были первыми без кровопролития; и когда враги между собою целовались, то Хвостов сказал, что должно было хотя немножко поцарапаться, дабы не было стыдно. Державин отвечал, что никакого в том стыда, когда без бою помирились».

Тут любопытна разница позиций, связанная, очевидно, с возрастом участников несостоявшегося поединка.

Державину в тот момент – тридцать четыре года, он елизаветинец по воспитанию и миролюбию. Для него, боевого офицера, железом и кровью подавлявшего пугачевщину, поединок – формальность.

Хвостову – двадцать четыре года. Это – промежуточная формация. Еще нет фанатичного следования «велению чести», но уже имеются некие представления, требующие соблюдения ритуала. Хвостов храбр – через три года он отличится при кровавом штурме Измаила. Но военные доблести и отношение к дуэли – вещи разные. Только следующее за Хвостовым поколение русских дворян, вне зависимости от воинской судьбы, с головой окунется в пьянящую дуэльную стихию. А пока все происходит на полуанекдотическом уровне и кончается соответственно:

«Хвостов спорил, и слово за слово дошло бы у посредников до драки: обнажили шпаги и стали в позы, будучи по пояс в снегу; но тут опрометью вышедший только из бани, разгоревшийся, как пламень, Гасвицкий с разного рода орудиями, с палашами, саблями, тесаками и проч(им), бросившись между рыцарей, отважно пресек битву, едва ли быть могущую тоже смертоносной».

Державин сознательно создает дополнительный комический эффект, описывая грозный арсенал, приготовленный одним из секундантов (это, кстати говоря, свидетельствует, что не было предварительной договоренности о роде оружия), и полную неготовность дуэлянтов к его использованию.

Державинские «Записки» написаны через три десятилетия после вышеописанных событий, и три эти десятилетия наполнены были тысячами поединков по всей России, поединков, кончавшихся часто отнюдь не комически.

В 1791 году литератор Николай Иванович Страхов выпустил «Переписку Моды», чрезвычайно напоминающую крыловскую «Почту духов», вышедшую двумя годами ранее. В нравоописательной этой переписке немалое место уделено дуэлям.

В начале книги воспроизводится «Просьба фейхтмейстеров к Моде»:

«Назад тому несколько лет с достойною славою преподавали мы науку колоть и резать и были первые, которые ввели в употребление резаться и смертоубийствовать. Слава наша долго гремела, и денежная река непрерывно лилась в карманы наши. Но вдруг некоторое могущественное божество, известное под именем здравого смысла, вопреки твоим велениям совсем изгнало нас из службы щегольского света. Чего ради мы, гонимые, разоренные и презираемые фейхтмейстеры, прибегли к твоей помощи и просим милостивого защищения».

Наблюдательный и осведомленный современник утверждает, что расцвет деятельности учителей фехтования пришелся на предшествующее десятилетие – восьмидесятые годы XVIII века. Восьмидесятые годы – время «Жалованной грамоты», закрепившей личные права дворянства, отбитые у власти в стремительном напоре дворцовых переворотов. С другой же стороны, эти годы – время окончательной стабилизации военно-бюрократической империи, введение режима наместников, обладавших всей полнотой власти на местах и ответственных только перед императрицей, когда жаждущий деятельности дворянский авангард оказался жестко включен в усовершенствованную государственную структуру и окончательно лишен сколько-нибудь самостоятельной роли.

Злое электричество, возникшее от пересечения этих двух тенденций, и стимулировало – до абсурдного накала – дуэльную активность дворянской молодежи.

Через двадцать страниц после «Просьбы фейхтмейстеров» автор «Переписки Моды» поместил письмо «От Дуэлей к Моде»:

«Государыня моя! Я чаю, вы довольно помните, сколь много мы утончали и усовершенствовали поступки подвластного вам щегольского света. Бывало в собраниях, под опасе-

нием перерезания горла, все наблюдали строжайшее учтивство... Но этого еще мало! Бывало, посидишь хоть часок в гостях, того и гляди, что, за собою ничего не ведавши, поутру мальчик бряк на дворе с письмецом, в котором тот, кого один раз от роду увидел и едва в лицо помнишь, ругает тебя наповал и во всю ивановскую, да еще сулит пощечины и палочные удары, так что хоть не рад, да готов будешь резаться. Бывало, взгляд, вид, осанка, безумышленное движение угрожали смерти и кровопролитием. Одним словом, внедавне все слова вешались на золотники, все шаги мерились линиями, а поклоны фурами. Бывало, хоть чуть-чуть кто-либо кого по нечаянности зацепит шпагою и шляпою, повредит ли на голове волосочек, погнет ли на плече сукно, так милости просим в поле... Хворающий зубами даст ли ответ вполголоса, насморк ли имеющий скажет ли что-нибудь в нос... ни на что не смотрят!.. Того и гляди, что по эфес шпага!.. Также глух ли кто, близорук ли, но когда, боже сохрани, он не отвечал или недомыл поклона... статошное ли дело! Тотчас шпаги в руки, шляпы на голову, да и пошла трескотня да рубка!»

Сквозь сатирическое преувеличение здесь явственно проступает серьезность мотивов происшедшего: поднявшееся одним рывком на новый уровень внешнего и внутреннего укрепления дворянство вырабатывало столь варварским образом новую систему взаимоотношений – систему, в которой главным мерилем всего становилось понятие чести и личного достоинства. Однако отсутствие разработанной «идеологии чести» (чем впоследствии будет настойчиво заниматься Пушкин) приводило к тому, что поединок представлялся универсальным средством для решения любых бытовых проблем – от самоутверждения до обогащения.

«Небезызвестно, думаю, и то вам, милостивая государыня, что мы, бы(ва)ло, до такого совершенства довели людей, что право о превосходстве дарований не иначе решалось, как шпагою. В случае когда кто-либо, обожающий какую-нибудь красотку, усматривал, что она любит другого... не рассуждали, что не сей виноват, но причиною сего есть превосходные дарования, способности нравиться, или всего более виновата в том любовь... Куда! Так ли наши думали?.. Или умри, или отступись... Также умен ли кто, учен ли кто, да бывало осмелится-ка в чем-нибудь поперечить невежде, знающему биться на шпагах, так дело и выходило, что в чистом поле сей последний доказывал первому, что он-де перед ним сущий невежда. Бывало также, поединки составляли и промысел. Полюбится ли храбрецам у богатого труса лошадка или санки, тотчас или вызов и оплеухи, или отдай лошадь и санки... Такие были храбрецы, которые резали людей внутри своего отечества и шпагою просверливали тело самым лучшим своим друзьям, родственникам и милостивцам. Бывало и то честь, если кто может предъявить подлинные доказательства, что он на поединках двоих или троих отправил на тот свет.

Но ныне, государыня моя! Угодно ли вам было не вступить за нас и не защитить от гонения здравого смысла, равно также отказать в просьбе несчастным фейхтмейстерам. Любезного нашего г(осподина) Живодерова оставили вы жалостным образом без всякой помощи и взирали без всякой жалости на изгнание его из столицы».

Страхов повествует о столичных нравах, но есть свидетельства, что в екатерининские времена офицерство разбросанных по империи армейских полков не менее склонно было к вооруженному выяснению личных отношений. В «Записках» генерал-майора Сергея Ивановича Мосолова, вполне заурядного и потому характерного служаки, которого офицерская судьба бросала из конца в конец России, рассказано о дуэльных происшествиях эпохи с безыскусной достоверностью:

«Как полковник наш Матвей Петрович Ржевский уехал из полка в отпуск, оставил полк под командою подполковника Шипилова, который от слабости команды полк расстроил, и офицеры некоторые зачали пить, а другие между собою драться, я от сего, чтобы удалиться, переведен был (по прошению моему в 1775 году сентября 20-го) в 4-й гранодерский полк».

Из короткого этого сюжета можно сделать два вывода. Во-первых, командирская воля удерживала молодых офицеров от дуэльного разгула. Внутренних сдержек не хватало. Во-вто-

рых, поскольку Мосолов был человек неробкий – участвовал более чем в восьмидесяти больших и малых сражениях, то если уж он счел дуэльную атмосферу полка для себя чрезмерной, значит было от чего «удаляться».

Приводит Мосолов и собственный «послужной дуэльный список»:

«Дуэли по воле моей имел два раза, а секундантом был три раза.

1-я дуэль была у меня, как был еще поручиком. Стояли мы лагерем подле Журжи, что на Дунае, с подпоручиком артиллерии Новосильцевым, которому я ухо перерубил и на руке рану дал; но он так оробел, что на коленях стоя просил у меня прощения; меня же немного по руке он зацепил; дрались шпагами, бывши в корпусе графа Ивана Петровича Салтыкова; за то, что он дерзнул наших офицеров вообще при мне бранить. О сей дуэли знал Тарсуков Ардалион Александрович, что ныне при дворе Его Величества служит, а тогда был он квартирмейстером в 4-м гранодерском полку.

2-я дуэль была уже в 4-м гранодерском полку (я служил капитаном; в Польше стояли лагерем) с капитаном Ивановым. Я у его руки пальцы перерубил, что уже не мог держать и шпаги; тут и помирились; а произошло за то, что он приревновал к своей девке, к которой я – как Бог свят! – ничего не чувствовал и не имел дела. В команде были тогда у бригадира Левашева Александра Ивановича, о чем и он после узнал, и Степан Степанович Апраксин потом узнал».

Не случайно, что, не называя имен секундантов, Мосолов сообщает имена начальствующих лиц, осведомленных о поединках. Он ясно намекает – несмотря на огласку, никаких юридических последствий, как то следовало по закону, поединки не повлекли. Дуэли в тот период фактически не преследовались.

Из рассказа Мосолова о поединках, в коих был он секундантом, тоже можно извлечь существенные сведения. Не говоря уже о том, что и в «мирном» 4-м гренадерском поединки были делом обычным:

«В 1-й раз секундантом был у майора Григория Потаповича Зиновьева и поручика Коробина Николая Григорьевича, кои служили в том 4-м гранодерском полку, стоявши на квартирах в городе Рославле Смоленской губернии. Они стрелялись, но, к счастью, обиженный, то есть Зиновьев, не попал в Коробина; то я совет дал поручику Коробину уже выстрелить вверх, дабы самому после не попасться в беду, если бы кто убит был; от сего великодушия они и помирились».

Это была заурядная провинциальная дуэль, любопытная только тем, что, во-первых, это первая из известных нам дуэлей на пистолетах – середина 1770-х годов; а во-вторых, здесь ясно просматривается тип поединка – стрельба по очереди с первым выстрелом у обиженного. Стало быть, неписанные правила, близкие к позднейшим дуэльным кодексам, в России уже существовали.

«2-й раз в Москве, как дрались на шпагах князь Сергей Иванович Адуевский с князем же Иваном Сергеевичем Гагариным. Я тогда жил в доме Степана Апраксина и был тогда немного болен, как сей Адуевский приехал и просил меня в секунданты к себе, что он едет драться; я было не хотел, но Степан Степанович меня упросил. Рубились они на шпагах у Петровского дворца в лесу, и Гагарин уже было его погнал, даже мой Адуевский поскользнулся и упал, то я, остановив удар от шпаги, который летел по голове, сказал Гагарину, дай противнику исправиться, ибо я был у обоих один секундант, на что сам Гагарин согласился встать тому; а опосля сего Гагарин уже был порублен в руку; тут я их и развел, ибо уговор был до первой раны; и как я привез домой целого Адуевского, то жена его и все дети бросились ко мне с радостью благодарить за спасение от раны».

Это дуэль уже иного сорта. Дерутся два аристократа из лучших фамилий, а третий аристократ уговаривает своего подчиненного – полковника Мосолова – нарушить и закон, и дуэльные правила – стать единственным секундантом у противников.

Степан Степанович Апраксин, сын фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина, командовал Киевским пехотным полком, с которым участвовал в покорении Крыма, а в момент дуэли готовился принять Астраханский драгунский полк, воевавший на Кавказе. Мосолов был переведен вместе с Апраксиным из Киевского в Астраханский полк. Отношение к поединкам на всех уровнях, как видим, совершенно спокойное – они в порядке вещей.

Эта рубка на шпагах в пригороде Москвы, судя по уговору – «до первой раны», – по поводу отнюдь не роковому, вполне соответствует нравам, описанным Страховым. И дело происходит в 1784 году.

«3-й раз был секундантом у внучатого своего брата Пафнутия Алексеевича Мосолова в Петербурге еще при жизни государыни Екатерины Алексеевны. Он на палашах рубился с поручиком конной гвардии Сабуровым. Пришли они оба в конюшню полковую, я был обоих свидетель, и другой просил меня и верил мне. Пафнутий Мосолов проиграл и был в двух местах ранен, по щеке и по плечу очень больно; я их развел, и потом помирились, ибо брат обидел Сабурова в разговорах, и я тогда был еще секунд-майором».

Свидетельство Мосолова замечательно тем, что оно покрывает то самое десятилетие, когда и формировалась русская дуэльная традиция – с 1773 по 1784 год, включая и яростный всплеск дуэльной стихии, заставивший императрицу Екатерину II попытаться эту стихию регулировать.

Если верить Страхову (а не верить ему оснований нет), то к концу 1780-х годов произошел резкий спад дуэльной эпидемии. И дело было, естественно, не только в антидуэльной пропаганде просветителей – наступлении здравого смысла. В бурный процесс саморегуляции дворянских взаимоотношений решительно вмешалось правительство. Недаром описанная Страховым ситуация кончается сообщением о высылке господина Живодерова из столицы.

Екатерина II не сразу определила свое отношение к поединкам. Еще в «Наказе», в середине 1760-х годов, она высказалась на эту тему довольно вяло и неопределенно:

«О поединках бесполезно здесь повторить то, что утверждают многие и что другие написали: что самое лучшее средство предупредить сии преступления – есть наказывать наступателя, сиречь того, кто полагает случай к поединку, а невиноватым объявить принужденного защищать честь свою, не давши к тому никакой причины».

Это – существенное отступление от петровских установлений. Но после гибели на поединке князя Петра Михайловича Голицына, одного из победителей Пугачева, императрица, быть может, впервые задумалась над этим всерьез. В записи князя Петра Андреевича Вяземского есть такое сообщение:

«Кн(язь) Александр Николаевич видел написанную по этому случаю записку Екатерины: она, между прочим, говорила, что поединок, хотя и преступление, не может быть судим обыкновенными законами. Тут нужно не одно правосудие, но и правота... что во Франции поединки судятся трибуналом фельдмаршалов, но что у нас и фельдмаршалов мало, и трибунал был бы неудобен, а можно бы поручить Георгиевской думе, то есть выбранным из нее членам, рассмотрение и суждение поединков».

Умная Екатерина понимала общественную природу дуэли и, ведя тонкую игру с дворянством, не хотела отнимать у него категорически права на поединок. Но так было в 1775 году. В 1780-е годы она была поражена воздыманием дуэльной волны и прибегла к силе закона.

21 апреля 1787 года вышел манифест о поединках, фактически подтверждавший забытые уже жестокие петровские законы шестидесятилетней давности, хотя и в несколько смягченном виде. Но оппозиционная суть дуэли была в манифесте выявлена и подчеркнута: дуэлянт подвергался суду «за непослушание против властей». Вспомним имперский закон: «Право судить и наказывать за преступления предоставлено Богом одним лишь государям». Но и карательные меры правительства не подавили бы дуэльной эпидемии в столь краткий срок. Скорее всего, этот взрыв яростного осознания ценности личного достоинства у молодых дворян уже сыграл

свою роль, и нелепые крайности, равно как и массовое использование дуэлей в корыстных целях, оставаясь за пределами осознанной чести, отмирали сами собой. Крепнувший дворянский авангард существенно влиял на общественное мнение, особенно в канун и в первые годы Великой французской революции.

Однако, оттесненный на общественную и географическую периферию – в армейское захолустье, в среду изнывающих от скуки и безделья офицеров, – дуэльный хаос продолжал бушевать в России до тридцатых годов XIX века.

Осенью 1802 года полковник Юношевский, командовавший Азовским гарнизонным батальоном, представил императору Александру I рапорт:

«Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: сего сентября 22-го дня состоящий в вверенном мне Азовском гарнизонном батальоне Азовской крепости плац-адъютант Краузе вызвал за крепость одного батальона капитана Линтварева на поединок и там, зайдя в огород, дрались и кричали караул, посему посланный с гауптвахты караульный унтер-офицер с рядовыми, прибежавши туда, в той драке их разнял, после сего из них первый Краузе прибежал ко мне с жалобой, за ним вслед пришел капитан Линтварев, окровавленный от избитой головы и, как казалось, опасен жизни, то учинено ему было освидетельствование, по которому показалось: по нанесенному удару ему в голову пробита на лбу кожа с мясом, рана длиною линий в восемь геометрических...»¹⁴

Сами обстоятельства поединка вполне напоминают подобные же обстоятельства дуэли у Белогорской крепости. Гринев и Швабрин также дерутся без свидетелей за крепостной стеной. А их арест пятью инвалидами после первой попытки решить дело чести удивительно схож с появлением перед Краузе и Линтваревым караульного унтер-офицера с рядовыми.

В кратком своем рапорте полковник Юношевский не счел возможным изложить историю анекдотического поединка в полном ее виде. И не из любви к лапидарности. Без малого через год генерал-лейтенант Шепелев, инспектор кавалерии Кавказской инспекции, ознакомившись с материалами суда над участниками дуэли, проведенного на месте, подал императору Александру I подробный рапорт:

«Военный суд, произведенный при Азовском гарнизонном батальоне, одного же батальона над капитаном Линтваревым и плац-адъютантом прапорщиком Краузе, которые были судимы по высочайшему его императорского величества повелению за выход на дуэль, у сего представляя, донести имею честь: что комиссия воинского суда, находя действительно по следствию ею произведенному капитана Линтварева и плац-адъютанта Краузе в том выходе на дуэль виновными, который произошел от ссоры, случившейся в квартире полковника Юношевского за биллиардную игру, приговорила за таковой законопротивный поступок капитана Линтварева и прапорщика Краузе, согласно воинского устава 49-й главы 14-го пункта смертию казнить... И сверх того, заключенною сентенциею подвергает к нижеследующим по закону наказаниям коснувшихся к сему делу чиновников, а именно: штабс-капитана Глазатова и благочинного священника Филиппова за недонесение начальству о виденной ими ссоре и о следствии от того происшедшем; первого по силе устава 49-й главы 10-го пункта наказать, а последнего предать суждению духовного правления; поручика Глинку за упущение по службе за откомандирование от гауптвахтенного караула малого числа людей, а притом без всякого оружия, для разнятия дравшихся капитана Линтварева и прапорщика Краузе, отчего и последовало, что те посланные не в силах были разнять и доставить по надлежащему на гауптвахту, по 40-му артикулу лишить живота; унтер-офицера Дмитриева за неисполнение по службе и за отдачу самопроизвольную капитану Линтвареву обнаженной шпаги по 28-му артикулу отстранить от службы и по все разы, на сколько он отставлен будет, за рядового служить; а о батальонном командире полковнике Юношевском, за случившийся на его квартире между офице-

---

¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 801. Оп. 62. Ед. хр. 1560.

рами предосудительный и службе вред наносящий беспорядок, за непроизведение должного обследования о происшедшем дуэле между капитаном Линтваревым и прапорщиком Краузе и потому за несправедливое о том государю императору донесение, за позволение офицерам заниматься биллиардною игрою в такое время, когда должна отправляться служба, и что оный, будучи отвлечен биллиардною игрою, не был при вахт-параде, как следует по уставу, и, наконец, за неприличное отдание пароля дежурному майору в биллиардной комнате и при биллиардной игре, предается на рассмотрение высшему начальству»¹⁵.

Генерал-лейтенант Шепелев предлагал разжаловать дуэлянтов в рядовые без права выслуги. Он, разумеется, знал, что император этот приговор смягчит.

29 октября 1804 года Александр I начертал на рапорте Шепелева резолюцию:

«Вменить суд и арест в наказание Линтвареву и Краузе и обойти их три раза производством, полковнику Юношевскому строгий выговор за беспорядки, происшедшие в его батальоне, штабс-капитана Глазатова арестовать на 24 часа».

Остальные упомянутые в рапорте Шепелева нарушители воинского устава никакого наказания не понесли.

Подобные рапорты с бесхитростной достоверностью изображают и случайность возникновения поединков, и беспросветную атмосферу скуки и однообразия жизни провинциальных гарнизонов, и далекие от уставных требований и столичных образцов методы несения воинской службы – все происходит в биллиардной между двумя ударами кия.

Но главное – разительные отличия между периферийным бытовым поединком и ритуальной светской дуэлью, которая и представляется нам типическим случаем. На самом же деле по всей России происходили поединки, бескровные и кровавые, где дуэльный кодекс и «рыцарские обычаи» ни малейшей роли не играли.

В этих бесчисленных схватках находили выход и смутное представление о своем дворянском достоинстве, и не менее смутное желание проявить себя как людей чести – при весьма туманных представлениях о чести, которая часто ассоциировалась со вздорным самолюбием.

И все же в этом был смысл. Послеелизаветинское родовое и полупросвещенное дворянство, угадывавшее свою значимость в плане общегосударственном, угадывавшее свою особую роль в государстве, не соответствующую его реальному бесправному положению, подтверждало эти неопределенные общественные претензии, широко пользуясь, вопреки закону, правом на поединок.

Когда дворянин решал драться, он добивался этого с неукротимой настойчивостью, тем более яростной, что инстинкт действия, заложенный в него Петровской эпохой, постоянно и грубо подавлялся самодержавным государством. Настойчивость эта была исторически симптоматична, ибо в павловское царствование каждый дуэлянт знал, что рискует если не головой в случае удачи на поединке, то уж карьерой – наверняка. И тем не менее шел напролом.

Осенью 1797 года в кавалерийском полку, стоявшем в Могилеве, произошла дуэльная история между ротмистрами Дудинским и Зенбулатовым.

Показание ротмистра Дудинского:

«Прошлого сентября 14-го дня по приезде государева инспектора господина полковника и кавалера Муханова полк был выведен на парадное место, при том и я с прочими сверхкомплектными штаб- и обер-офицерами находился на своем месте. Господин ротмистр Зенбулатов, выехав из офицерской линии, начал ровнять офицерский строй. Я только выговорил в смех, что за польза, что он вошел не в свое дело и делает из себя посмешище, поскольку в нашем фронте старее его есть – полковник и штаб-офицеры. Сей выговор так и остался, и смотр в тот день кончился. Зенбулатов, пришед ко мне, с великим сердцем спросил у меня, что я о нем вчерашний день говорил? И хочет знать, в шутку ли или вправду? Я, не почитая

---

¹⁵ РГВИА. Ф. 801. Оп. 62. Ед. хр. 1560.

сие за обиду, судя по моим словам, отвечал ему: пойми, как хочешь. Отчего той же минуты Зенбулатов вызвал меня на дуэль. Я сие принял неправдой, вменяя слова его в шутку, сверх того, зная таковым вызовам законное запрещение, сказал ему, что я не одет. Но Зенбулатов, не давая минуты времени, усиленно требовал от меня, чтоб я шел с ним на дуэль. Наконец принудил меня сказать, чтоб он оставил меня в покое. Но и за сим Зенбулатов при выходе из моей квартиры с превеликим сердцем назначил к драке время в 4 часа пополудни неотменно. Тот же день после обеда полк собрался на учение, и по окончании оного едучи я в квартиру свою, Зенбулатов, подъехав ко мне с ротмистром Ушаковым, сказал: „Пора, пойдем в ров и разделаемся“. Ротмистр Ушаков, то же подтверждая, говорил, что откладывать не для чего, а лучше разделаться. Тогда начинало уже смеркать⟨ся⟩, на что я ему отвечал, что я один и поздно, не хотя с ним за небольшое слово драться, и тем отказал ему в требовании и, предвидя злой его умысел и дерзкое намерение, уехал на квартиру. На третий день, то есть 16-го числа поутру рано, как только я встал, подает мне записку от Зенбулатова его человек... По малом времени, когда начал я одеваться, увидел Зенбулатова с ротмистром Ушаковым, вошедшего в мои покои с великим сердцем, и по входе говорил: „Когда ты выйдешь на дуэль?“ Потом, принуждая усиленно, сказал: „Посмотрим, как ты не выйдешь...“ По выходе их, Зенбулатова и Ушакова, из моей квартиры, оделся и поехал на сборное место, где государев инспектор, шеф и все штаб-офицеры приехали, и как все с лошади были спешены, то и я встал с лошади, привязав оную между прочими офицерскими к плетню, и пошел к фронту. Но Зенбулатов, идя мне навстречу из полкового собрания, сказал: „Теперь неотменно пойдем в ближайшем саду разделаемся“ – и, не допустя меня далее к собранию, поворотил, чтоб я неотменно шел. Стыд запретил мне больше сносить гнусную наглость, а слабость моего сложения и худое здоровье привели меня вне себя, и как не принял он с моей стороны никаких отговорок, то с ним пошел. И тут встретился князь Визопурский, которого просил я пойти со мною, но для чего, не объявлял, и тогда только князь, согласясь, со мной пошел. В то время и ротмистр Ушаков тут же явился, и по приходе к калитке, сделанной у того сада, где учинен поединок, когда оную нашли запертою, то кто точно, не помню, Ушаков или Зенбулатов, перелез через забор и отпер оную. Когда мы все вошли в сад, Зенбулатов вынул саблю, секунданты, видно, были с ним в одном умысле, и когда поставили меня между деревьев, а его на чистом месте, то, видя приближающегося с обнаженною саблею, вынул я свою, но защищаться было невозможно от дерев, и тут начал рубить меня без милосердия и учинил на мне ран девять. ⟨...⟩ Бывшие в секундантах, тако же с обнаженными саблями стоящие, к стороне моей никакой защиты не сделали, и когда только начал рубить Зенбулатов, то Ушаков, утверждая его злое намерение, одобрял и выговаривал громким голосом: „браво! браво! не робей!“ По причинении мне бесчеловечных ран, князь Визопурский выпущенную мною из рук саблю (на которой даже со злости и темляк Зенбулатов порубил) мне поднял. После все трое от меня ушли»¹⁶.

Далее Дудинский рассказывает, как он с трудом добрался до ближайшего дома и отвезен был на повозке к себе на квартиру, а потом долго болел, готовился к смерти, причащался. Он выбрал на следствии позицию жертвы, которую заставили выйти на незаконную дуэль и едва не убили.

Противник его изобразил картину вовсе иную. По версии Зенбулатова, Ушаков привел его в сад, где уже ждали Дудинский и князь Визопурский («из индийских князей»):

«Дудинский, вынув саблю, сказал: „Здесь ты получишь объяснение, здесь и на сем месте“. Я, таковое его намерение увидев, решился защищаться, себя обороняя и услыша голос ротмистра Ушакова: „Не робей, не робей!“ Дал я ротмистру Дудинскому на лбу рану, и как оную увидел, то в ту же минуту отпрыгнул поодаль и не хотел более драться, но ротмистр Дудинский кричал: „Нет, я еще не доволен, я хочу еще“, – но как я получил от ротмистра Дудинского

¹⁶ РГВИА. Ф. 801. Оп. 62/3. Ед. хр. 193.

концом попаденный удар в ногу и плашмя попаденный удар в лоб, то не имел силы быть на своем месте»¹⁷.

Разумеется, оба дуэлянта на следствии выстраивали каждый выгодную для себя версию. Дудинский явно не был таким беспомощным скромником, каким он себя выставляет. Он, а не Зенбулатов, затеял ссору. И не только он один пострадал во время рубки в саду – сабельный удар в ногу и удар клинком по лбу, хоть и плашмя, не могли не оставить следов на Зенбулатове. Но инициатором дуэли, бешено ее добивавшимся, конечно же, был Зенбулатов.

Дуэльная ситуация в Могилеве не менее характерна, чем азовская, но – иного типа. Не внезапная ссора, тут же перерастающая в схватку, а длительное давление на противника, уклоняющегося от поединка, чтобы любыми средствами заставить его драться. И это, по сути своей, не избыток темперамента или злобность характера, а невозможность остаться собой, не очистившись поединком. Поединок или потеря самоуважения – вот полусознанная альтернатива, что вставала перед молодыми дворянами, воспитанными неофициальными представлениями Екатерининской эпохи. Принцип Ивана Игнатьича из «Капитанской дочки»: «Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо» – уже не действовал.

Все участники могилевской истории сформировались уже после категорического запрещения дуэлей манифестом 1787 года – и тем не менее, рискуя очень многим, не представляли жизни без права на дуэль. (Решением императора Павла I Дудинский, Зенбулатов и Ушаков, отсидев два месяца в Печерской крепости, вылетели со службы. То есть лишились карьеры.)

Вместе с тем, ясно сознавая свое право на дуэль, они мало интересовались требованиями дуэльного кодекса. Дудинский готов был драться у себя в доме при одном секунданте на двоих, не встретить дуэлянты случайно Визопурского, и сам поединок произошел бы в том же составе. Никаких предварительных условий не составлялось, секунданты даже не пытались осушествить свое главное назначение – примирить противников.

И таких «беззаконных» дуэлей, как азовская и могилевская, было множество. Через год после дуэли в Азове дрались на пистолетах полковник Булгарчич и капитан Лоде из Киевского драгунского полка. Они стрелялись в лесу, без свидетелей. Лоде был тяжело, едва ли не смертельно, ранен в лицо¹⁸.

Во что могло обойтись участие в дуэли при Павле I, красноречиво изобразил в воспоминаниях граф Александр Иванович Рибопьер:

«Во время царствования Павла Петровича Петербург был вовсе не веселым городом. Всякий чувствовал, что за ним наблюдали, всякий опасался товарища и собрания, которые, кроме кое-каких балов, были редки. На балах этих, однако, молодые люди встречались с молодыми девицами, и любовь не теряла прав своих. Я, подобно другим, заплатил ей дань, и N. N., к которой пылал любовью, казалась ко мне благосклонною. Я стал находить, что в Петербурге очень хорошо живется, когда ревнивый соперник, влюбленный в ту же особу, стал искать случая завести со мною ссору. Мы нигде не встречались; никогда не случилось нам в то время быть вместе в одной и той же гостиной. Он написал мне письмо, в коем значилось, будто я позволил себе говорить дурно об особе, которую он обязан защищать, и что он сумеет заставить меня дать ему удовлетворение. Я поспешил к нему, чтобы узнать, в чем дело; но он никого не назвал и продолжал считать себя обиженным. Мы дрались с ним на шпагах, и в то время, как я ему нанес удар выше локтя, он меня ранил в ладонь так сильно, что перервал артерию. Я принужден был вынести мучительную операцию, и едва успели сделать мне первую перевязку, как ко мне приехали обер-полицмейстер и генерал-губернатор граф Пален с повелением от императора сделать мне допрос. Говорят, будто кто-то донес государю, что соперник мой, взяв под свою защиту княгиню Анну Петровну Гагарину, о которой я будто говорил дурно, по-

---

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: РГВИА. Ф. 801. Оп. 62. Ед. хр. 1472.

рыцарски вызвал меня на поединок. Государь, сам рыцарь в полном смысле этого слова и все еще на меня разгневанный за прежнее, воспользовался этим случаем, чтобы выказать на мне всю свою строгость. Я никогда ничего не говорил против княгини Анны Петровны, и более трех лет не приходилось мне слова перемолвить с моим соперником. От природы скромный и осторожный, я жил в то время довольно уединенно в кругу близких мне людей. Государь исключил меня из службы; у меня отняли Мальтийский крест и камергерский ключ и засадили в крепость в секретном каземате. По мере того как Павел наказывал, гнев его все более и более разгорался: он отправил мать мою и сестер в ссылку, конфисковал дом наш и все имущество в Петербурге и окрестностях, отдал матушку под надзор полиции, запретил принимать на почте как наши письма, так и те, которые были нам адресованы; наконец, он подверг 24-часовому домашнему аресту великого князя Александра Павловича – за то, что, как первый Петербургский генерал-губернатор, он не представил рапорта о моей дуэли. Граф Пален был за то же на время удален от двора, так же как и дядя мой Кутузов, которого государь обвинил в том, что он имел вид огорченного родственника, тогда как вышеупомянутый мой дядя никогда ни в ком не принимал участия...»

Поединок этот, как и его последствия, стал широко известен. Филипп Вигель писал в мемуарах:

«В последние дни его (Павла I. – Я. Г.) царствования он (Рибопьер. – Я. Г.) имел поединок с князем Четвертинским за одну придворную красавицу; бредя рыцарством, Павел обыкновенно в этих случаях бывал не слишком строг, но как ему показалось, что любимая его княгиня Гагарина на него иногда заглядывалась, то из ревности велел он его с разрубленной рукой, исходящего кровию, засадить в каземат, откуда при Александре нескоро можно было его выпустить по совершенному расслаблению, в которое он от того пришел. После того сделался он кумиром прекрасного пола».

Здесь, во-первых, приведено несколько иное толкование мотивов поведения императора во всей этой истории, а во-вторых, сообщается, что Павел отнюдь не всегда был снисходителен к дуэлянтам. Хотя случай Рибопьера – принимая во внимание личность придворной красавицы и отношение к ней императора Павла, – конечно, особый.

Слухи об этом поединке распространились далеко за пределы Российской империи. Гёте – в Веймаре – заносит в дневник:

«Воскресение. Происходит дуэль между князем Четвертинским и Рибопьером. Последний ранен.

Понедельник. Под уговором великого князя (Александра Павловича? – Я. Г.) граф Пален должен замять дело. Нарышкин пробалтывается. Рибопьера сначала отправляют в крепость, потом высылают с семьей из города».

Любопытно, насколько подробно великий поэт был осведомлен о происходящем в далеком от Веймара Санкт-Петербурге.

Дуэль как средство устранения соперника была, очевидно, нередким явлением. Хотя это принципиально противоречило дуэльным правилам. И для этого вовсе не нужно было быть циником или бретером.

Декабрист Сергей Григорьевич Волконский в период своей буйной молодости, будучи человеком вполне благородным, тоже пытался таким образом избавиться от счастливого соперника:

«Полагая себя человеком, героем, потому что понюхал порошу, как не быть влюбленным при мирной столичной жизни? И первый предмет, могу сказать, юношеского моего любовного порыва была весьма хорошенькая троюродная мне сестра К. М. Я. Л. Р. (княжна Мария Яковлевна Лобанова-Ростовская. – Я. Г.), которая имела такое милое личико, что, об ней гово-

ривши, ее называли *une tête de Guide*¹⁹. Не я один (за нею) ухаживал и потому имел для меня ненавистное лицо, более счастливого в поисках К. А. Н. (Кирилла Александровича Нарышкина. – Я. Г.). Придраться без всякой причины к нему, вызвать его на поединок, с надеждою преградить ему путь и открыть его себе, было минутное дело, подтвержденное на другой день письменным вызовом. Странное обстоятельство, что в этот день было три вызова: мой, другой К. А. Я. Л. Р. (князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовского. – Я. Г.) князю Кудашеву и полковника Арсеньева графу Хребтовичу – и что переговоры по всем трем вызовам были у графа Мих(аила) Сем(еновича) Воронцова. Первые два кончились примирением. Мой антагонист мне поклялся, что не ищет руки моей дульцинеи, и год спустя на ней женился. Второго вызова причину должен утаить, как очернившую память одной женщины. Но не удалось графу примирить третий...»

О дуэли полковника Дмитрия Васильевича Арсеньева речь впереди.

Это был период после Тильзитского мира – с конца 1807 года, когда русская армия после катастрофы при Фридрихсберге и заключения союза между Наполеоном и Александром возвратилась из Европы, до лета 1812 года. Возбужденная позорным, как она считала, миром, гвардейская молодежь находила выход боевой энергии в многочисленных поединках.

В решающий же период Наполеоновских войн – с 1812 по 1815 год – число дуэлей в России резко упало. Общественная энергия дворян нашла другой выход. Кровопролитные сражения – постоянное пребывание у смертельной черты – стали той предельной ситуацией, которая удовлетворяла жажду прорыва из быта в бытие. Кроме того, это было время патриотического единения дворянства, дворянского авангарда в том числе, с правительством, и дуэль как форма фрондирования была не нужна.

Дуэли случались и во время военных действий, но это были редчайшие исключения, вызванные уникальным стечением обстоятельств.

В подготовительных материалах к роману о декабристах Льва Толстого сохранился рассказ о дуэли, случившейся во время Заграничного похода:

«В 1813 году, во время войны, на походе дрались на дуэли офицеры Преображенского полка Сергей Павлович Шипов и князь Иван Сергеевич Голицын, оба командовали ротами. Голицын, человек с состоянием, баловал свою роту и много тратил на нее. Упрекая Шипова в том, что тот имеет роту не в хорошем состоянии и не в щегольском виде, он был вызван на дуэль Шиповым, не имевшим за собой больших денег. Они дрались на саблях».

Очевидно, исход дуэли не был кровавым, поскольку дуэлянты продолжали свою боевую службу. Но повод для поединка при кажущейся незначительности был вполне осмысленным, ибо своими упреками Голицын компрометировал Шипова, храброго офицера, в глазах солдат. Вызов Шипова имел не только личный, но и социальный смысл. Надо было поставить на место человека, который имел бестактность в условиях войны кичиться своим богатством, тем самым подрывая боевое братство офицеров. От этого поединка по случайному, казалось бы, поводу тянутся сложные смысловые нити к таким принципиально знаковым поединкам, как дуэль Арсеньева.

Надо иметь в виду, что Шипов, друг будущего «диктатора» 14 декабря Сергея Петровича Трубецкого, через несколько лет станет членом двух тайных обществ – Союза спасения и Союза благоденствия, причем в последнем займет одно из ключевых мест.

Но дуэль Шипова и Голицына была эпизодом нетипичным в тот период.

Липранди, сам дуэлянт и человек, как мы помним, в этой сфере авторитетный, свидетельствовал:

«В продолжение трехлетнего пребывания нашего корпуса во Франции не было никаких распрей и только две дуэли в Ретеле. Первая происходила в самом городе между дивизион-

¹⁹ Головка Гвидо (*фр.*). Имеется в виду Гвидо Рени – итальянский живописец XVI–XVII вв.

ным доктором Маркусом и капитаном Тверского драгунского полка Хобжинским на саблях, кончившаяся царапиной сему последнему. Другая серьезнее была, в трех верстах от Ретеля, в Нантеле, на пистолетах, между бригадным командиром Платоном Ивановичем Каблуковым и Тверского полка подполковником Дмитрием Николаевичем Мордвиновым, кончившаяся прострелом ноги последнего. (...) Вот все бывшие столкновения такого рода до выступления корпуса в Россию».

Две дуэли за три года в экспедиционном корпусе – явный признак резкого спада дуэльной активности.

Спад дуэльной активности парадоксальным образом проявился в среде офицерства, воевавшего на Кавказе. Физическая и моральная энергия, как и во время Наполеоновских войн, получили иной выход. Но психологическое, нервное напряжение было таково, что способствовало, так сказать, «антидуэльным» срывам.

Участник Кавказской войны и внимательнейший наблюдатель нравов в среде кавказского офицерства князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков писал в мемуарах:

«Дуэли на Кавказе не были очень частым явлением, но зато в запальчивости раны, даже убийства товарища случались часто. Впрочем, все постоянно носили оружие, азиатские кинжалы и пистолеты, за поясом. Какой-то офицер, возвращаясь из экспедиции, приехал вечером в Кизляр и попал прямо на бал; он тут же пригласил даму и стал танцевать кадрили. Его *vis-a-vis*, местный заседатель суда, возбудил, не помню уж чем, его гнев, и офицер, недолго думая, выхватил кинжал и распорол ему живот. Заседателя убрали, пятно крови засыпали песком, и бал продолжался как ни в чем не бывало, но офицера пришлось арестовать и предать суду. Комендант Кизляра, который рассказывал мне этот случай, собственно, был возмущен не самим фактом, а лишь запальчивостью молодого офицера, который ведь мог же вызвать заседателя на улицу и там кольнуть его, и дело бы кануло в воду».

Развязка конфликта была скорее в обычаях горцев, и тут, конечно же, встает проблема, важная для понимания происходящего тогда на Кавказе, – перетекания, смешения стилей поведения воюющих сторон. Но с подобной ситуацией мы еще столкнемся и в самой России, где мотивации «антидуэльных» поступков будут совершенно иные.

После завершения Наполеоновских войн поединки снова заняли весьма заметное место в жизни гвардии и дворянства вообще. Снова требовался выход сил и способ противостояния удушающей регламентации – на сей раз аракеевской. Образование тайных обществ, бурный всплеск самосознания дворянского авангарда, стремление людей авангарда во всем противопоставить себя господствующей системе представлений и отношений внесли в дуэльную идеологию и практику особый, новый колорит. Именно в декабристской среде выработался тип «идейного бретера», столь близкий Пушкину. Его идеальным образцом стал Лунин.

Однако «идейные» дуэли были по-прежнему погружены в буйную стихию «неистовства молодых людей».

25 марта 1820 года Петр Яковлевич Чаадаев писал своему брату Михаилу:

«Здесь (в Санкт-Петербурге. – Я. Г.) была дуэль, привлекавшая всеобщее внимание; это было чем-то вроде судебного поединка, по крайней мере по отношению к числу присутствующих зрителей. Я был в публике. Один из бойцов погиб, это был родной брат моего товарища Лачинова – Ланской. Он был убит наповал. Не нахожу слов передать то впечатление, которое на меня произвела эта смерть: это молодой человек, красавец, единственный сын».

Описывая произошедшую трагедию далее, Чаадаев, сам вскоре после возвращения из Заграничного похода отказавшийся принять вздорный вызов молодого офицера и не уронивший при этом своей репутации – для этого надо было быть Чаадаевым, – тут же снижает ситуацию:

«Я не предполагал в себе такой чувствительности, но ты знаешь, что бывают смешные стороны даже во всем том, что случается наиболее печального на свете. Чтобы не отступить

от этого правила, мой товарищ Лачинов, брат покойного, вздумал убить себя и излил свое отчаяние в красивом письме к Васильчикову, написанном отменно красивым почерком, где он толкует о своем желании покинуть эту долину слез, погрузиться в вечность и т. д. и т. д. Вся эта невыносимая галиматья и весь этот пафос убедили-таки моего дурака, и он побежал – вырвать роковой нож из его рук; в результате получилась довольно забавная сцена из мелодрамы».

Относясь с полной серьезностью к дуэльной традиции, такие люди, как Чаадаев, Пушкин, Лермонтов, не выносили романтического пафоса, сопутствующего дуэльным трагедиям.

«Мой дурак» – командующий гвардией генерал-адъютант Илларион Васильевич Васильчиков, адъютантом которого в это время был ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка Чаадаев. Только дурак, по убеждению Чаадаева, мог принять всерьез романтическую «галиматью и пафос», опошлявшие подлинную трагедию.

А история этой дуэли и в самом деле была трагична.

19 марта того же 1820 года Александр Яковлевич Булгаков писал в Санкт-Петербург брату:

«Так как здесь рассказывают (про) дуэль Ланского с Анненковым, то последний гнусно поступил: Ланскому досталось стрелять первому, он выстрелил в воздух; тут Анненкову следовало бросить пистолет и поцеловать столь великодушного соперника, а он вместо того пять минут в него метился и положил наповал».

Мы не знаем причины поединка. Не знаем, чем оскорбил восемнадцатилетнего кавалергарда Ивана Анненкова двадцатилетний лейб-гусар Владимир Ланской. Но слова Чаадаева о «судебном поединке», несмотря на иронический контекст, заставляют задуматься. Тем более что Булгаков странным образом не понял происходящее – дуэлянт, выстреливший в воздух, не дождавшись выстрела противника, по дуэльному кодексу совершал неблагоприятный поступок. Это трактовалось как отказ от дуэли. Заставить выстрелить в воздух Ланского могло только чувство вины.

О том, что ситуация была непроста, свидетельствует и то, что Анненков, несмотря на смертельный исход поединка, не понес никакого наказания и продолжал вполне успешную службу.

Но если в смертельном поединке Анненкова с Ланским можно подозревать некую серьезную подоплеку, то дуэль, состоявшаяся в феврале того же года в Москве, оказывается типичнейшим продолжением «неистовств» екатерининских времен.

10 февраля 1820 года тот же Булгаков писал брату:

«Третьего дня была дуэль между Бакуниным, свитским офицером, и Сомовым, служащим в водных коммуникациях. У Бакунина прострелена нога, и боятся, что придется пилить ногу. Секундантом был Гриша Корсаков. Это бесит Волкова, который должен был обо всем донести. Ты спросишь, да за что дрались? Все вышло из пустяков. Сомов, бывший в Собрании благородном, изъявил сожаление, что не был у Татищевой в маскарade; на это отвечал Бакунин: да ты бы мне сказал, я бы тебя представил Татищевой, на что Сомов возразил: ты, брат, слишком молод сам, чтобы представлять других. Разошлись, пошли обедать. Бакунин одумался и после обеда дает пощечину Сомову, приняв за обиду слова его. Этот, тоже одумавшись, вызывает на другой день на дуэль. О Бакунине не жалеют, говорят, он уже раз пять дрался и, что называется, *bretteur*. Закревский говорит, что следовало бы всех дравшихся и секундантов арестовать. Волков не может, конечно, предупредить беспорядки, кои происходят даже в Петербурге перед глазами императора; но ему все же досадно, что эта мода заводится хочет и здесь. Совершенная напасть проклятые эти дуэли».

Описанная Булгаковым история требует объяснений. Почему, по утверждению Булгакова, московского коменданта генерал-майора Александра Александровича Волкова бесит участие в дуэли Гриши Корсакова? Да потому, что гвардии капитан Григорий Александрович

Римский-Корсаков до самого недавнего времени был адъютантом военного генерал-губернатора Москвы генерала от кавалерии графа Александра Петровича Тормасова.

Судя по всему, дело о поединке хода не получило, хотя сведения о нем дошли до Санкт-Петербурга. Арсений Андреевич Закревский был дежурным генералом Главного штаба, лицом близким к императору. То, что знал Закревский, знал и Александр I. Но, судя по реакции Закревского, никто из участников преступления арестован не был. Почему – неизвестно. Но ситуация для александровского царствования характерная.

Надо сказать, что поединки со смертельным исходом происходили по причинам, далеко не всегда имеющим прямое отношение к принципам дуэльного кодекса и после фактического угасания «здоровой» дуэльной традиции, и вполне могут быть определены известной формулой екатерининского века – «неистовства молодых людей».

Примеры подобных поединков приводит в своем фундаментальном труде «Русские уголовные процессы» известный юрист эпохи Александра II Александр Дмитриевич Любавский.

Возьмем один характерный эпизод. В 1859 году во время плавания у берегов Испании поссорились, казалось бы на пустом месте, двое офицеров фрегата «Полкан». Оказавшись на суше, они стрелялись, и один из них был смертельно ранен в голову. Это были старший инженер-подпоручик Грицко и прапорщик корпуса штурманов Шелухин.

«Во время следствия Грицко объяснил, что в городе Смирна на фрегат был принят очень дурных качеств уголь, так что, когда фрегат плыл под парами, уголь выходил чрезвычайно скоро. В показателе родилась мысль, что если подует противный ветер, то на фрегате не хватит угля до места назначения (т(о) е(сть) до Мессины). Он высказал это многим из офицеров, и прапорщик Шелухин начал тогда над ним насмехаться. В 8 часов вечера прапорщик Шелухин возобновил этот разговор и кончил колкостями. На другой день в три часа показатель вышел наверх; прапорщик Шелухин подошел к нему и в третий раз начал разговор об угле. В это время Шелухин ходил по палубе с мичманом Шемиот(ом), говоря: „А ведь это скандал, действительно, если у нас не хватит угля“. На это он, Грицко, сказал Шелухину: „Так вас сильно беспокоит, что у нас не хватит угля? Если у нас не хватит угля, то мы пойдем под парусами, вот и все; что же уголь-то мучит вас так сильно?“ На это Шелухин отвечал: „Однако не слишком-то приятно лавировать под парусами, всякий старается прийти скорее“. На это показатель сказал (с сердцем, видя, что тот привязывается): „Хорошо, но все же до угля вам дела нет“. – „Да что вы кричите-то? – сказал Шелухин. – Вы думаете, что вы сильнее меня, и думаете испугать меня и взять кулаком, что ли?“ На это показатель ответил: „Послушайте, если меня заденут кулаком, я буду отвечать кулаком, если меня ударят ножом, то я отвечу им же; что же делать – характер такой“. Тут Шелухин произнес: „Да вы храбры, а вот если бы пришлось вам стать на дистанцию?“ На это показатель ответил: „Если мне придется стать на дистанцию, то я стану“. – „Да вы неисправимы“, – сказал Шелухин. На это показатель ему ответил: „Не хотите ли вы меня исправить?“ Тогда Шелухин сказал: „Да, и я вас исправлю“. Тут показатель сказал: „Послушайте, вот уже третий раз, как вы ко мне пристааете. К чему это? Ступайте лучше учить французов говорить речи“. Шелухин обратился к нему, Грицко, со словами: „Ну, после этого вы свинья“. На это показатель сказал: „А после всего этого вы, Шелухин, мужик“. Вызов показателю был сделан от имени Шелухина мичманом Крузенштерном 18 июня вечером, секундантом же показателя был Римский-Корсаков; дуэль происходила около Кадикса, близ местечка Santa Maria; дрались они на пистолетах. К сему Грицко присовокупил, что он не хотел убить Шелухина и даже не желал его ранить. В военном суде Грицко добавил, что при плавании из Хиоса в Мессину 28 мая ссора с Шелухиным произошла у него в присутствии мичмана Шемиота (и) что, кроме вышеозначенной причины, других причин к дуэли он, Грицко, не знает.

Лейтенант Римский-Корсаков объяснил, что секундантом находился он со стороны поручика Грицко по просьбе последнего. Причину ссоры узнал он от мичмана Крузенштерна. Показатель спросил Грицко: „Что такое между вами случилось?“ Грицко отвечал: „Мы с Шелу-

хиным побранились, но я ничего против него не имею“. Тогда он, Корсаков, обратился к Шелухину и повторил ему слова Грицко, но Шелухин отвечал: „Если он против меня не имеет ничего, то я имею и не позволю себя ругать и стращать ножом, и если он меня называет мужиком, то я докажу, что я не мужик“. Других причин, вынуждающих дуэль между Грицко и Шелухиным, показатель не знает. К дуэли оружием были выбраны пистолеты, которые куплены на берегу; противники и секунданты съехали с фрегата вечером накануне дуэли. Дуэль происходила по принятым обычаям. Дистанция была отмерена в 25 шагов. Хотя он, Корсаков, и старался отговорить Шелухина от дуэли, но его убеждения не имели никакого влияния, а даже еще после некоторого времени Шелухин сказал: „Если хочешь, чтобы я не дрался с Грицко, то отвечай мне – можешь ли ты стать вместо него?“ – и, отворотясь в сторону, просил более его не уговаривать»²⁰.

Двадцать пять шагов – слишком большое, нехарактерное для русской дуэли расстояние, что свидетельствует о вырождении традиции. Тем не менее Шелухин был убит.

В этой истории есть два любопытных момента. Во-первых, Шелухин явно читал «Героя нашего времени». Он почти буквально повторяет фразы, сказанные Печориным и Грушницким во время поединка. Как мы помним, Печорин предлагает драгунскому капитану, секунданту Грушницкого, в случае отказа зарядить его пистолет и драться с ним, Печориным, на смертельных условиях. Во-вторых, один из офицеров фрегата передает свой разговор с Шелухиным: «Мичман Всеволожский объяснил, что доказательством невинности Грицко служит разговор его показателя с Шелухиным, которому он сказал: „У вас нет никакой положительной причины посягать на жизнь Грицко и рисковать своею“. Шелухин отвечал: „Все равно из нас кто-нибудь лишний на этом свете...“»²¹ Это буквальное повторение фразы Грушницкого в ответ на предложение Печорина помириться.

Для Шелухина, как мы увидим, дуэль с Грицко имела особый смысл, и он отнесся к ситуации со всей серьезностью. В частности, поручил двоим офицерам в случае его смерти заплатить его долги и передал им запечатанное письмо брату, которое следовало отправить в случае рокового исхода.

Но суть происшедшего была глубока и драматична.

«Офицер Владимир Брылкин объяснил, что настоящей причиною ссоры между Грицко и покойным Шелухиным было различие в их воспитании. Шелухин, происходя из купеческого звания, был воспитан дома, потом ходил матросом на купеческих судах²², а впоследствии, по производстве в офицеры, сделался членом общества людей, воспитанных в кадетских корпусах, привыкших к жизни между товарищами, с которой он, Шелухин, вовсе не был знаком. Посему часто ему казалось, что хотят напоминать ему об его происхождении, и он делал без всякой видимой причины дерзости людям, которые нисколько не желали оскорбить его. Мало того, думая, что его ставят ниже других, Шелухин полагал, что бесцеремонным обращением и фамильярностью, часто переходившею в дерзость, он достигнет того, что все будут его считать равным членом кают-компания; он был чрезвычайно добр и честен и имел благородное убеждение, что храбрость возвышает человека, но, к сожалению, думал, что вывеска храбрости есть дерзость, потому-то он и делал неоднократно дерзости Грицко и некоторым другим офицерам кают-компания»²³.

Несчастный Шелухин, «чрезвычайно добрый и честный и имеющий благородные убеждения» человек, использовал дуэль как средство утверждения своего нового социального статуса,

---

²⁰ Любавский А. Д. Русские уголовные процессы: В 4 т. Т. 2. СПб., 1867–1868. С. 60.

²¹ Любавский А. Д. Русские уголовные процессы. Т. 2. С. 60.

²² Шелухин, споря с Грицко, слова последнего «вы мужик» мог принять за намек на его происхождение (хотя со стороны Грицко очевидно не было сего умысла). Это объясняет упорство Шелухина в его намерении драться на дуэли, чтобы (по его словам) доказать, что он не мужик. – *Примеч. изд. книги А. Любавского.*

²³ Там же. Т. 2. С. 61.

что, естественно, отнюдь не предусматривалось классической дуэльной традицией и дуэльным кодексом тем более.

Несмотря на интернациональный характер русского дворянства, дуэли изредка приобретали национальный оттенок.

Мы помним о столкновениях Пушкина с молдавскими боярами, а Филипп Филиппович Вигель, служивший в Бессарабии в первой половине 1820-х годов, рассказал в своих мемуарах о дуэльной истории, случившейся между молодым чиновником и литератором Николаем Васильевичем Сушковым и молдавским дворянином Варламом:

«Причиной раздора его с Сушковым была госпожа Фурман, равно к обоим приветливая... Раз где-то, не умея отвечать на колкости Сушкова, глупый, вздорный и вместе с тем довольно трусливый Варлам в запальчивости при всех дал ему пощечину и потом ну бежать, оставив шляпу и шинель. Тем не должно было кончиться; на следующее утро вооруженные враги выехали за город в условленное место, но самим Варламом предупрежденная полиция была в засаде и не допустила их до драки; начальство же вскоре под предлогом комиссии разослало их в противоположные стороны. Дело было серьезное, оно сделалось национальным. Молодежь молдавская с самодовольствием твердила: вот как наши бьют русских! Торжество, однако, было не на стороне Варлама; никто из русских, особенно из военных его сослуживцев, не хотел ни говорить с ним, ни смотреть на него; Воронцов из Англии (он был в отпуске. – Я. Г.) велел написать к нему, чтоб он искал себе другого начальника, а что с таким пятном он при нем остаться не может. Приведенный в отчаяние, он тайно согласился наконец на возобновление поединка. Между тем все казалось забытым, как вдруг узнали, что Сушков, проезжая через Тирасполь, в нем остановился, что господа сии стрелялись в поле и что Варлам пал от руки своего противника. Кажется, и тут ожидал он помощи; она опоздала, однако успела схватить виновного на месте преступления. Несколько месяцев содержался он в тираспольской крепости, был судим, осужден, прощен, и время заключения его сочтено ему за наказание».

Важность этого эпизода отнюдь не только в его национальном колорите. Это был расцвет дуэльной традиции, и человек, пытающийся уклониться от поединка, подвергался жестокому остракизму. Пройдет совсем немного лет, наступит Николаевская эпоха, и ситуация принципиально изменится. А пока многие поединки, помимо всего прочего, были отзвуком той буйной стихии, что бушевала в екатерининское время.

И надо сказать, что эта хаотичная, на первый взгляд, стихия выполняла глубоко осмысленную задачу – происходило самовоспитание русского дворянина. Этим кровавым, жестоким, иногда бессмысленно жестоким способом молодое русское дворянство вырабатывало стиль поведения, достойный той роли, которую оно намерено было играть в жизни империи.

Глава VII

Продолжение политики другими средствами

Дуэльный кодекс, вобравший в себя мудрость и столетний опыт поединков в России, утверждал: «Дуэль не должна ни в коем случае, никогда и ни при каких обстоятельствах служить средством удовлетворения материальных интересов одного человека или какой-нибудь группы людей, оставаясь всегда исключительно орудием удовлетворения интересов чести».

Здесь точно обозначена юрисдикция идеального поединка. Только в сфере чести, в сфере отношений личных идеальная дуэль должна была служить регулятором и выходом из крайних положений. Но то была теория. На практике же в реальных российских условиях дуэль служила для разрубания узлов в самых различных сферах жизни. В том числе стала она и явственным фактом политики, политической борьбы.

Первая из известных нам дуэлей такого рода была, собственно, политическим убийством.

В 1841 году князь Вяземский занес в записную книжку:

«По случаю дуэли Лермонтова кн(язь) Александр Николаевич Голицын рассказывал мне, что при Екатерине была дуэль между кн(язем) Голицыным и Шепелевым. Голицын был убит, и не совсем правильно, по крайней мере, так в городе говорили и обвиняли Шепелева. Говорили также, что Потемкин не любил Голицына и принимал какое-то участие в этом поединке».

Скорее всего, так оно и было. Но из записи Вяземского непонятно, зачем было Потемкину замешиваться в сомнительную историю. Одной человеческой неприязни мало для организации убийства генерала и аристократа.

За шесть лет до записи Вяземского Пушкин, пользуясь каким-то иным источником, уже объяснил ситуацию в «Замечаниях о бунте» – дополнениях к «Истории Пугачева»:

«Князь Голицын, нанесший первый удар Пугачеву, был молодой человек и красавец. Императрица заметила его в Москве на бале (в 1775 году) и сказала: „Как он хорош! настоящая куколка“. Это слово его погубило. Шепелев (впоследствии женатый на одной из племянниц Потемкина) вызвал Голицына на поединок и заколол его, сказывают, изменнически. Молва обвиняла Потемкина...»

Тут тоже не все ясно.

С одной стороны, князь Петр Михайлович Голицын, быть может, и был красавец, но отнюдь не молодой человек – в 1775 году ему исполнилось тридцать семь лет. Императрица предпочитала мужчин помоложе.

С другой стороны, настойчивое совпадение антипотемкинских мотивов в двух различных версиях вряд ли случайно. Да и в самой истории оказываются черты, подтверждающие это подозрение.

Князь Голицын – удачник: знатен, богат, в двадцать семь лет – депутат Комиссии уложения, общественный деятель, в тридцать два года – генерал-майор, в тридцать семь – после победы над Пугачевым – генерал-поручик. Еще шаг – и высший генеральский чин генерал-аншефа. При незаурядной внешности, а быть может, и талантах – военном и государственном – князь Голицын представлял угрозу для Потемкина не только как возможный новый любовник императрицы. Через четыре месяца после получения чина генерал-поручика и вскоре после встречи с Екатериной на московском балу Голицын был убит на поединке армейским полковником Шепелевым.

Петр Ампильевич Шепелев, происходивший из не столь знатной, как Голицын, но все же хорошей дворянской фамилии, особыми карьерными удачами похвастать не мог. Начав службу в лейб-гвардии Измайловском полку, он в двадцать восемь лет перешел в армию небольшим чином. Храбрец и рубака, он прославился тем, что во время войны с Польшей в 1770 году с шестьюдесятью конными карабинерами атаковал и разгромил отряд противника в четыре-

ста сабель. За этот подвиг Шепелев получил в тридцать три года чин полковника. Он энергично воевал против Пугачева, командуя карабинерным полком, но никаких воинских лавров не снискал и поощрений не выслужил.

Смертоносный поединок 14 ноября 1775 года меняет его судьбу: в течение нескольких последующих лет он получает генерал-майора, дивизию в армии Потемкина на юге (в те времена это было немало – Суворов в Русско-турецких войнах редко командовал соединениями, превышавшими по численности дивизию) и руку племянницы светлейшего – Надежды Васильевны Энгельгардт, по первому мужу Измайловой. Известно, что Потемкин очень пекся о своих племянницах и не обделял их приданым.

В 1775 году Потемкин, недавний фаворит императрицы, ничем себя как государственный муж еще не зарекомендовавший, имел все основания опасаться прославившегося боевого генерала с прекрасной внешностью и громким именем.

Очевидно, сведения Пушкина и Вяземского, полученные из разных источников, были основательны: фаворит и фактический диктатор монаршей милостью, опасаясь потери влияния, организовал убийство возможного соперника, вознаградив затем убийцу.

Потемкина пугала не просто потеря места в постели императрицы – он вскоре расстался с ним без особого сожаления, но – прежде всего – утрата власти. И Потемкин пресек политическую карьеру Голицына с помощью нечистой дуэли.

Других – более ранних – данных у нас нет, и мы можем отсчитывать начало политической традиции в истории русской дуэли именно с 1775 года – года казни Пугачева и гибели на поединке Голицына. И это наверняка не случайно.

Дуэль как явление массовое подготовлено было атмосферой елизаветинского царствования с разнонаправленностью его тенденций. С одной стороны – явное ослабление самодержавных тисков, реформаторский напор клана Шуваловых, небывалое расширение прав сената, образование специальной «конференции» из сановников и генералитета для обсуждения важнейших проблем, то есть некоторое движение к идеям частичного ограничения самодержавия 1730 года, к рассредоточению власти. С другой – фактическое отстранение рядового дворянства от участия в решении судеб Отечества. Это усиливало в умах и душах мыслящих дворян то горькое раздвоение, что пошло с Петра. Старания правительства откупиться от дворянства крестьянскими головами, последовательно увеличивая власть помещика над крестьянами, устроили далеко не всех – слишком многие дворяне понимали катастрофичность этого пути.

Первая, незрелая попытка предшественников дворянского авангарда выйти на политическую арену и противостоять как самодержавию, так и «верховникам», случившаяся в 1730 году, была подавлена основной массой гвардейского офицерства, вдохновляемой и организованной идеологами бюрократического самодержавия Андреем Остерманом и Феофаном Прокоповичем. Придавленный физическим, а в большей мере психологическим террором Анны Иоанновны и ее подручных, процесс формирования дворянского авангарда замедлился, чтобы затем развернуться стремительно. Ощутившее в полной мере свою ответственность за судьбы России родовое дворянство дало исполнителей переворота 1762 года, идеологами которого стали антиподы Остермана и Прокоповича – братья Никита и Петр Панины, Кирилл Разумовский, Иван Бецкой, Екатерина Дашкова, стремившиеся развить лучшие тенденции елизаветинского царствования.

В 1760-е годы активное дворянство направило свою молодую энергию в политическую сферу – заговоры Мировича, Хрущева и других, упорное противостояние диктатуре братьев Орловых, обсуждение грядущих реформ, Комиссия уложения, интриги в пользу наследника Павла Петровича.

Затем, когда на обманутые надежды страна – крестьянство, казачество, низшее духовенство – ответила гражданской войной, пугачевщиной, родовому дворянству пришлось решительно консолидироваться с властью, чтобы не потонуть вместе с нею. А как только необхо-

димось в консолидации отпала, среди прочих общественных явлений началось наступление дуэльной стихии.

Накапливающееся десятилетиями новое самовосприятие русского дворянина перешло наконец в принципиально иное качество.

Но для того чтобы дуэль стала в России явлением психологически закономерным, понадобился еще один фактор – в плане личном, быть может, решающий: вырванный у самодержавия серией дворцовых переворотов манифест о вольности дворянства. Причем главную роль тут, естественно, сыграла декларированная в манифесте отмена телесных наказаний для благородного сословия. И в самом деле – о какой защите чести стоило говорить, если тебя могли высечь по воле государя или даже фаворита? Если ты мог получить от любого вышестоящего затрещину или даже палочные удары? Царь Петр, как известно, осердясь на лиц весьма знатных, щедро пользовался дубинкой. Известны случаи, когда гвардейские офицеры по его приказу были биты плетью за проступки, а не преступления.

Пока дворянин не был огражден хотя бы де-юре, если не де-факто, от физического унижения, он не мог осознать себя в достаточной мере человеком чести, а стало быть, и ощутить потребность в праве на поединок для защиты этой чести.

И после манифеста 1762 года Потемкин бил и унижал дворян. Но воспринималось это уже как уродливое исключение из правила и вызывало ненависть к диктатору милостью ее величества. Равно как систематические унижения и побои гвардейских офицеров при Павле I не в последнюю очередь стали причиной цареубийства 11 марта 1801 года. И конспирировавшие против Потемкина офицеры, и вломившиеся в Михайловский замок соратники Палена, помимо прочего, защищали свою дворянскую честь от незаконных уже посягательств власти.

Подспудный процесс политизации дуэли шел с екатерининских времен последовательно и настойчиво. Недаром громкие дуэльные ситуации так часто связывались с именем Потемкина.

Сергей Николаевич Глинка, рассказывая о благородстве и душевной мягкости директора кадетского корпуса графа Федора Астафьевича Ангалта, человека незаурядного и глубоко просвещенного, обронил в «Записках»:

«Известно только об одной его ссоре с князем Таврическим. Он вызвал его на поединок».

Подоплеку ссоры прояснил другой свидетель – близкий к Потемкину Михаил Гарновский. Он писал в апреле 1787 года:

«Говорят в городе и при дворе еще следующее: графы Задунайский и Ангалт приносили ее императорскому величеству жалобу на худое состояние российских войск, от небрежения его светлости в упадок пришедших. Его светлость, огорчась на графа Ангалта за то, что он таковые вести допускает до ушей ее императорского величества, выговаривал ему словами, чести его весьма предосудительными. После чего граф Ангалт требовал от его светлости сатисфакции».

Ясно, что граф Ангалт, хотя и будучи профессиональным военным и исполняя должность генерал-инспектора войск в Ингерманландии, Эстляндии и Финляндии, в данном случае выступал главным образом посредником между Екатериной II и фельдмаршалом Румянцевым-Задунайским. Близкий родственник императрицы, он имел к ней свободный доступ. Но обвинения крупнейшего – до Суворова – полководца эпохи вряд ли были беспочвенны. А тот факт, что Ангалт, вельможа-просветитель, действовал сообща с лидером боевого генералитета, говорит о существовании антипотемкинских сил.

Пушкин писал в «Заметках по русской истории XVIII века»:

«Мы видели, каким образом Екатерина унизила дух дворянства. В этом деле ревностно помогали ей любимцы. Стоит напомнить о пощечинах, щедро ими раздаваемых нашим князьям и боярам, о славной расписке Потемкина, об обезьяне Зубова...»

Екатерининские фавориты – и Потемкин в числе первых – унижали дух дворянства, пытались притушить представление о чести и личном достоинстве, которые неизбежно вели к оппозиции самодержавному принципу управления и самой идее рабства. Пощечина, данная фаворитом аристократу, в этой атмосфере не становилась поводом для вызова, ибо мало кто смел открыто противопоставить свою честь самодурству временщика. Нужно было быть графом Ангальтом, родственником императрицы, чтобы на это решиться. Да и то безрезультатно.

Формировавшийся дворянский авангард, дворяне, ориентированные на реформистские идеи Никиты Панина, ненавидели Потемкина. В 1782 году было перехвачено письмо драгунского полковника Павла Александровича Бибикова, сына известного генерала, который в свое время оказал Екатерине II большие услуги. Адресуясь к молодому князю Куракину, путешествующему по Европе с великим князем Павлом Петровичем, Бибиков с ненавистью отзывался о Потемкине, сетовал на скверное состояние страны и намекал на существование в офицерской среде «добромыслящих», которые ждут благих перемен.

Для этой категории дворян Потемкин олицетворял порочные принципы екатерининского царствования. Поединок с ним был, бесспорно, мечтой многих – оскорбленных и за себя, и за Россию. Вызов Ангальта, таким образом, символичен. Но Потемкин, как известно по голицынской истории, предпочитал в подобных обстоятельствах действовать чужими руками и вызова не принял.

К началу XIX века политический аспект русской дуэльной традиции полностью определился.

Конногвардейский полковник Николай Саблуков, человек чести и добросовестный мемуарист, писал, что после убийства императора Павла I офицеры Конной гвардии, не принимавшие участия в перевороте и отнюдь ему не сочувствовавшие, стали провоцировать ссоры со вчерашними заговорщиками, доводя дело до поединков. То есть они начали с помощью дуэлей некую партизанскую войну против победившей партии. Встревоженный граф Пален, организатор переворота, вынужден был принять специальные меры для примирения враждующих и прекращения откровенно политических дуэлей.

Самым явным проявлением оппозиционной сущности дуэлей, к которым прибегали люди дворянского авангарда, были попытки получить сатисфакцию у представителей императорского дома – великих князей.

Первым такую попытку сделал именно Михаил Лунин.

Есть несколько версий этой истории. Мемуаристы датируют ее по-разному. Если принять версию такого точного мемуариста, как декабрист барон Андрей Розен, то дело было, скорее всего, в канун 1812 года и заключалось в следующем: на полковом учении великий князь Константин Павлович, разъярившись за какой-то промах на конногвардейского поручика Петра Кошкуля, в недалеком будущем члена тайного общества, замахнулся на него палашом. Кошкуль парировал удар, выбил палаш из руки Константина со словами: «Охолонитесь, ваше высочество!» Константин ускакал. Через некоторое время он извинился и лично перед Кошкой, и перед офицерами кирасирской бригады, в которую входили кавалергарды и конногвардейцы. При этом он, стараясь не выйти из образа солдата-рыцаря, полушутя объявил, что «готов каждому дать полное удовлетворение». Кавалергард Лунин ответил: «От такой чести никто не может отказаться». Это была не просто эффектная фраза и не просто гвардейская бравада. Для человека дворянского авангарда возможность поединка с вышестоящим – тем более великим князем! – была и возможностью оппозиционного акта.

Константин отшутился. Но острота ситуации усугублялась тем, что серьезное и положительное отношение цесаревича к поединкам было известно. Когда в 1817 году два полковника лейб-гвардии Волынского полка поссорились по служебному поводу и решили драться, а потом помирились, вняв уговорам своих товарищей, Константин возмутился. Историк полка рассказывал:

«Однако об этом узнаёт цесаревич и, пославши к обоим своего адъютанта, а с ним и пару своих пистолетов, приказывает передать им, что военная честь шуток не допускает, когда кто кого вызвал на поединок и вызов принят, то следует стреляться, а не мириться. Поэтому Ушаков и Ралль должны или стреляться, или выходить в отставку».

Тем самым Константин пошел против дуэльного кодекса, вполне допускавшего примирение. В результате полковник Ралль, любимый офицерами полка, был убит. Узнав о случившемся, император Александр I прислал Константину гневный рескрипт. Полковник Ушаков был наказан месяцем гауптвахты.

А за год до этого, вскоре после «воцарения» Константина в Варшаве, произошел инцидент, напоминающий лунинскую историю, но с трагическим колоритом, обусловленным национальным самосознанием действующих лиц. Этот инцидент столь значим во многих отношениях, что имеет смысл целиком привести рассказ о нем мемуариста фон Эрдберга:

«В половине марта, на параде, великий князь приказал двум офицерам 3-го полка взять оружие²⁴ и встать в ряды. Офицеры исполнили это приказание без малейшего признака неувольствия и промаршировали два раза вокруг Саксонской площади; вслед за тем великий князь приказал им отдать оружие и занять свои прежние места.

Тотчас после парада общество офицеров 3-го полка объявило, что они не могут служить с этими двумя офицерами, считая их разжалованными, так как подобного случая никогда еще не бывало в войске.

Приняв решение, офицеры ожидали, что генералы войдут об этом с представлением к великому князю, с тем чтобы побудить его загладить свой необдуманный поступок. Но, прождав напрасно подобного заявления, капитан Виличко (Wilizek), адъютант генерала Красинского, явился в совет, в котором заседали генералы, и стал упрекать их в том, что они думают лишь о своих собственных выгодах, отнюдь не заботясь об интересах своего отечества и своих подчиненных, что они держат себя против русских с таким же малодушием и покорностью, какую они выказали и в своих отношениях с французами, и что, будучи лишь капитаном, он считает, однако, своим долгом действовать так, как подобало бы действовать генералам, если бы они были честными людьми.

Генерал Красинский, возмущенный этими неприличными выражениями, арестовал капитана Виличко, присудив его к домашнему аресту. Лишь только разнеслась об этом весть, как многие офицеры собрались к своему „защитнику“, как они называли Виличко, и тут они дали друг другу слово умереть за родину и за товарища, если с ними не переменят обращения.

В течение трех дней лишили себя жизни два брата Трембинские, Герман и Бжезинский. За ними последовал Виличко, написавший предварительно великому князю и генералу Красинскому. Я читал копии с обоих писем, но не могу вполне ручаться, что они были доставлены, хотя последствия доказали все их значение.

Письмо, написанное к великому князю, было приблизительно следующего содержания: „Если бы я последовал первому внушению моего чувства, то я сошел бы в могилу не один. Но так как ни один поляк не запятнал еще себя преступлением против членов семейства своего монарха, то я оставил эту мысль, чтобы не сделать родину мою еще несчастнее. Я считаю долгом предупредить вас, чтобы вы не доводили моих соотечественников до отчаяния, которое легко может довести кого-либо из них до преступления, от коего я отказался по зрелом обсуждении. Всякий поляк дорожит честью более жизни и не переносит оскорбления ее. Несколько товарищей уже лишили себя жизни; я следую за ними и уверяю вас, что многие еще последуют моему примеру. Разрешите перевезти мое тело в имение генерала Красинского, который не откажет мне в месте для погребения“. Почти такого же содержания было и письмо к генералу Красинскому, лишь с некоторыми дополнениями, касающимися семейных обстоятельств. По

---

²⁴ Имелось в виду солдатское ружье.

приказанию генерала Красинского тело капитана Виличко было набальзамировано и отвезено в его поместье. После него застрелились еще два офицера.

Эти самоубийства, следовавшие одно за другим, чрезвычайно встревожили великого князя. Он навел точные справки и тогда узнал наконец настоящую причину, которую он едва ли подозревал. Желая успокоить встревоженные умы, он поручил своему генерал-адъютанту, генералу Тулинскому, извиниться в присутствии всего полка в его опрометчивости перед теми двумя офицерами, которые должны были встать под ружье. Когда он спросил их, довольны ли они этим, то один из них, по фамилии Шуцкий (Szucki), отвечал, что это теперь дело общества офицеров, а не их. Тогда генерал обратился к обществу офицеров, которые, разумеется, были успокоены этим и единогласно согласились считать этот факт несовершившимся. Затем генерал Тулинский обратился снова к Шуцкому с вопросом, удовлетворен ли он теперь. „Нет! – отвечал тот. – Общество офицеров, разумеется, должно быть удовлетворено объяснением великого князя, так как он своим заявлением смывает оскорбление, нанесенное им офицерскому званию. Но для моей личной чести этого мало, и я прошу для себя лично удовлетворения“. Взволнованный генерал вскричал: „Уж не хотите ли вы выйти на поединок с великим князем?“ – „Да, разумеется“, – отвечал Шуцкий. „Вы арестованы, – сказал генерал. – Господин адъютант, примите от него шпагу, он подвергается домашнему аресту“.

„Итак, и мой час настал, и я последую за моими честными товарищами, но, к сожалению, умру неудовлетворенным“, – сказал Шуцкий. Когда он был уведен, офицеры обступили генерала Тулинского, говоря, что, по их мнению, генерал или не понял великого князя, или зашел слишком далеко в своем поручении, задав капитану Шуцкому такие вопросы, которые весьма естественно вызвали с его стороны подобные ответы.

Чтобы предотвратить самоубийство со стороны Шуцкого, к нему был приставлен офицер. В Великий четверг (по старому стилю) офицер этот на минуту задремал. Шуцкий воспользовался этим и, сняв с себя галстук, повесился на нем. Шум, произведенный им, разбудил офицера, который позвал на помощь, освободил его от петли и, по приказанию полкового командира, препроводил его на гауптвахту.

Получив это известие, великий князь, в сопровождении генерала Куруты, поспешил на гауптвахту, приказал позвать всех офицеров 3-го полка и обратился к Шуцкому со следующими словами:

„Вы объявили, что желаете стреляться со мною; генерал Тулинский арестовал вас, исполнив тем самым мое поручение совершенно иначе, чем я того желал. Я явился сюда с тем, чтобы исполнить ваше желание; смотрите на меня не как на брата вашего монарха и генерала, а как на товарища, который очень сожалеет, что оскорбил такого хорошего офицера. Все мои дела приведены в порядок, и генералу Куруте поручено на случай моей смерти распорядиться всем тем, что я желал бы еще устроить“.

Шуцкий, тронутый снисхождением великого князя, стал уверять его, что он теперь более нежели удовлетворен и что милость, оказанная ему великим князем, составляет для него полное удовлетворение. Но так как великий князь непременно хотел поединка, то против этого восстали наконец сам Шуцкий и все офицеры.

„Ну, если вы этим удовлетворены, то обнимите же меня, – сказал великий князь, – и докажите тем, что вы мне друг; только обнимитесь по русскому обычаю, поцеловавшись в губы“. Что и было исполнено. „Но в доказательство того, что вы мой друг, вы должны не оставлять службы, чтобы я имел случай доказать вам мое расположение“.

„Я не могу этого обещать, – сказал Шуцкий, – ибо семейные обстоятельства вынуждают меня выйти в отставку; но я прослужу еще год, чтобы доказать вашему высочеству, что я не имею никаких задних мыслей“.

Не довольствуясь удовлетворением, данным им в присутствии всех офицеров, великий князь явился на следующий день на полковой смотр, еще раз попросил у Щуцкого извинения и обнял его перед всем полком. <...>

Своим поступком с капитаном Щуцким великий князь заслужил в высшей степени любовь всех поляков. Между ними восстановилось совершенное спокойствие, и всякий старается доказать чем-нибудь великому князю свою преданность. В то время, как я уехал, генерал Тулинский утратил уже свое значение, чем поляки, по-видимому, были весьма довольны».

Очевидно, дуэлянт Пушкин, приветствуя в декабре 1825 года в письме Павлу Катенину вступление на престол Константина I, имел в виду и эти черты мировосприятия нового императора – «в нем очень много романтизма».

Когда же героем подобных ситуаций становился великий князь Николай Павлович, дело оборачивалось совершенно по-иному.

В 1822 году, когда гвардейские полки стояли в Вильно, великий князь на смотре лейб-гвардии Егерского полка грубо оскорбил капитана Василия Норова. «Я вас в бараний рог согну!» – кричал не нюхавший пороха солдафон боевому офицеру, кавалеру многих наград за храбрость, тяжело раненному во время Заграничного похода. Но дальше произошло нечто, великим князем не предвиденное. 3 марта 1822 года он в растерянности писал генералу Паскевичу: «...офицеры почти все собрались поутру к Толмачеву (командир батальона. – Я. Г.) с требованием, чтобы я отдал сатисфакцию Норову». Хотя Николай и называет далее поступок офицеров «грубой глупостью», но ясно было, что он попал в крайне неприятное положение и не знает, как из него выйти без ущерба для своей репутации.

Такого выхода не нашли ни великий князь, ни Паскевич. Прибегли к простому способу – репрессиям. Поскольку офицеры полка в знак протеста решили выйти в отставку, то командование выделило «зачинщиков» и наказало их дисциплинарными мерами – переводами из гвардии в армию без повышения в чине, как полагалось по закону, и увольнениями в отставку.

В отличие от Константина, Николай – с его принципиально деспотическим мировосприятием – остро понимал политический смысл дуэли. Не последнюю роль тут сыграл его позор 1822 года. И когда, уже будучи императором, он декларировал: «Я ненавижу дуэли; это варварство; на мой взгляд, в них нет ничего рыцарского», – то это, помимо всего прочего, был запоздалый ответ на требование лейб-егерских офицеров, на вызов капитана Норова. И осуждение в 1826 году Норова, члена тайного общества, но давно отошедшего от активной деятельности, тоже было ответом.

Уже летом 1825 года, незадолго до восстания, узнав о дуэльной истории в Финляндском полку, Николай произнес знаменитую фразу: «Я всех философов в чахотку вгоню!» Дуэль для него была проявлением ненавистной стихии нерегламентированного поведения и мышления – одним словом, философии.

подавив мятеж, организованный неукротимым дуэлянтом Рылеевым, Николай после вступления на престол ничего не прибавил к антидуэльному законодательству. Он считал, что уже имеющихся законов вполне достаточно. Но его отношение к поединкам сразу же стало широко известно.

Пушкин писал из Москвы в Тригорское Прасковье Александровне Осиповой 15 сентября 1826 года:

«Много говорят о новых, очень строгих постановлениях относительно дуэлей и о новом цензурном уставе».

Для Пушкина лишение дворянина права дуэли и цензурное стеснение мысли стояли рядом.

У нового императора в вопросе о дуэлях нашлись бескорыстные союзники, воспрянувшие духом в этой новой атмосфере.

В ноябре 1826 года, вскоре после пушкинского письма, вышла в свет анонимная брошюра под названием «Подарок человечеству, или Лекарство от поединков», отпечатанная в типографии Императорского Воспитательного дома. На титульном листе значилось: «Посвящается нежным матерям (от родителя же)»:

Родители!

Великий государь наш и Отечество вопиют к вам гласом мудрости, гласом совета, обратить внимание ваше на коренное домашнее воспитание детей ваших, без чего никакого усилия одного правительства не в состоянии отворотить возродившееся зло самонадеянности и вольнодумства века сего.

Стихийная мысль, заключающая в себе зародыш буйства, есть защищение себя самим собою, не правами, не законами, а поединком или, лучше назвать, привилегированным убийством себе подобного.

Прилагаемая мною при сем выписка исторических событий даст вам некоторый способ с сосанием молока ребенка вашего внушить ему все омерзение к поединкам. Приговор строгий против ложного понятия о чести; примеры исторические, освященные волею и разумом самодержавных особ, отцов своих народов, и, без сомнения, согласно с волею и мудрою дальновидностью и нашего Отца Отечества; все сие будет служить подкреплением нравов вашему... Употребите сие как предупредительное средство против эпидемической болезни, вдали грозящей детям вашим.

Русский.

Все примеры, которые «родитель же» приводит далее, сводятся к противопоставлению воинской добродетели и дуэльной кровожадности – так сказать, целесообразно государственного и бессмысленно личного аспектов храбрости.

Однако главным в брошюре было обличение дуэльной идеи как «стихийной мысли, заключающей в себе зародыш буйства», сопряжение ее с «возродившимся злом самонадеянности и вольнодумства века сего». Брошюра вышла через три месяца после казни лидеров тайных обществ. Аноним прямо указал на связь поединков с недавним мятежом.

Никто из российских монархов после Петра не высказывал так резко свою ненависть к дуэльной идее, как Николай. Однако в 1826 году он еще не предполагал, что ему и не понадобится ужесточать наказания за поединки или же карать по всей строгости имеющихся суровых законов.

Сама реальность царствования, сама атмосфера его, определившаяся к концу 1830-х годов, оказалась лишена того кислорода, который поддерживал пламя чести, то есть придавила ту среду, в которой и возникали по-настоящему опасные – идейные – дуэли.

И нужна была «тайная свобода» Пушкина, чтобы на исходе последекабрьского десятилетия, стоя над могилой дворянского авангарда, отчаянным усилием на миг соединить прервавшуюся связь времен.

Глава VIII

Бунт против иерархии

*Дуэль Киселева с Мордвиновым очень занимала его.
Липранди о Пушкине*

*Холопом и щупом не буду и у царя Небесного.
Пушкин*

Прологом знаменитой дуэли генералов Киселева и Мордвинова оказалось событие чрезвычайное. Офицеры Одесского пехотного полка, входящего во 2-ю армию, дислоцированную в Бессарабии, измученные и возмущенные издевательствами полкового командира, злобного аракчеевца Ярошевицкого, бросили жребий, кому избавить полк от тирана. По выпавшему жребию поручик Рубановский на ближайшем дивизионном смотре перед строем избил ненавистного подполковника. Тот вынужден был уйти в отставку, а разжалованный Рубановский пошел в Сибирь.

Следствие, наряженное командующим, генералом от инфантерии графом Петром Христиановичем Витгенштейном, свело все к ссоре подполковника с поручиком. Начальник штаба армии генерал Павел Дмитриевич Киселев, однако же, узнал, что драма разыгралась, можно сказать, с ведома командира бригады генерала Ивана Николаевича Мордвинова. Мордвинов был одним из тех генералов, от которых Киселев, либерал и сторонник реформ, мечтал избавиться, чтобы открыть дорогу близким себе людям. И он потребовал отстранить Мордвинова от командования. Пожилой Витгенштейн ни в чем не перечил своему энергичному начальнику штаба. Мордвинов бригаду потерял. Дело, казалось, было кончено. Киселев уехал в заграничный отпуск.

Однако старые генералы, не без оснований опасавшиеся Киселева, решили сделать свой ход и стали натравливать пострадавшего на начальника штаба. По возвращении Павла Дмитриевича, в июне 1823 года – совсем недавно отнята дивизия у вольнодумца Михаила Орлова, расследуется дело «первого декабриста» Раевского, – Мордвинов пришел к начальнику штаба требовать нового назначения. Киселев отказался ходатайствовать за него, напомнив о трагедии в Одесском полку. В частности, он сказал Мордвинову, что невыгодные для того сведения получены от дивизионного командира генерала Корнилова. Корнилов был среди тех, кого Киселев, вступив в должность, охарактеризовал императору весьма невыгодно, и, естественно, считал начальника штаба своим врагом. Он письменно уверил Мордвинова, что ничего Киселеву не сообщал. Это была заведомая ложь.

Налицо оказалась грубая, но безошибочная интрига, которой встревоженный генералитет 2-й армии ответил на рассчитанные действия Киселева. Целью ее было спровоцировать ссору Киселева с Мордвиновым и довести дело до формального вызова со стороны обиженного генерала. Скорее всего, те, кто стоял за кулисами, считали, что Киселев вызова не примет, опасаясь скандала, и тем самым морально скомпрометирует себя и в армии, и в Петербурге. В любом случае, состоится дуэль или нет, по логике вещей Киселеву грозила отставка. А если вспомнить расстановку сил в армии, то будущий поединок все отчетливее принимал политический характер.

Разумеется, для Мордвинова последствия удачной даже дуэли могли быть еще более тяжкими, чем для Киселева. Но старые генералы – командир корпуса Рудзевич, командир дивизии Корнилов – приносили Мордвинова в жертву.

На следующий день после визита Мордвинова Киселев получил от него послание:

Милостивый государь Павел Дмитриевич!

От одного слышать и на другого говорить есть дело неблагородного человека.

Вчера Вы мне осмелились сказать, что донес генерал-лейтенант Корнилов.

Так чтобы уличить Вас, что Вы не могли слышать заключение от него, Корнилова, а от фон Дрентеля, которому Вы всегда покровительствовали; а Дрентель не мог на мой счет выгодно сказать что-нибудь, быв на меня озлоблен за то, что я на двух инспекторских смотрах представлял начальству, что он, Дрентель, разграбил полк и что делал он многие незаконные злоупотребления; но начальство мои представления, в 1820 году июня 9-го и в 1821 году сентября 14-го, не уважило...

Прилагаю при сем оригинальное письмо генерал-лейтенанта Корнилова, писанное ко мне прошлого 1823 года июня 12-го числа, которое прошу не затерять и мне доставить по прочтении. Из сего письма Вы увидите, как много меня вчера обидели; а обид не прощает и требует от Вас сатисфакции генерал-майор Мордвинов.

Киселев располагал письменным же донесением Корнилова. Но не счел нужным вступать в спор и отозвался немедленно:

Мнения своего никогда и ни в каком случае не скрывал. По званию своему действовал как следует. Презираю укоризны и готов дать Вам требуемую сатисфакцию. Прошу уведомить, где и когда. Оружие известно.

Киселев не стал ссылаться ни на свое высокое официальное положение, хотя имел такую возможность, ни на свою проверенную в Наполеоновских войнах личную храбрость. Он без колебаний принял вызов. И после поединка объяснил почему.

Мордвинов ответил:

Где? – В местечке Ладыжине, и я Вас жду на место.

Когда? – Чем скорее, тем лучше.

Оружие? – Пистолеты.

Условие – два пункта:

1. Без секундантов, чтобы злобе вашей и мщению не подпали бы они.
2. Прошу привезти пистолеты себе и мне; у меня их нет.

Авторы интриги прекрасно рассчитали, кого выдвинуть против Киселева. Легко уязвимая, нервная натура Мордвинова и его подчеркнутая рыцарственность делали генерала идеальным орудием. Несчастный Мордвинов перед развязкой стал догадываться, какую роль играет, но остановиться уже не мог.

Есть некий, не поддающийся анализу и описанию, механизм, который в подобных случаях концентрирует политическую, историческую подоплеку дуэли, сжимает ее, как смертоносную пружину. Энергия, способная насытить гигантскую ситуацию, сокрушительно концентрируется на предельно малом бытовом пространстве.

В данном случае столкновение двух генералов было лишь острием большой борьбы – борьбы в конечном счете за власть над 2-й армией. А власть над 2-й армией была могучим фактором во всеимперской политической игре, ставка в которой была головокружительно высока.

24 июня 1823 года, в день поединка, у Киселева был званый обед. Павел Дмитриевич безукоризненно владел собой. Никто из его гостей ни о чем не подозревал. Улучив момент, Киселев пригласил в кабинет своего адъютанта Басаргина и полковника Бурцева, показал им письма Мордвинова, объявил о поединке и просил Бурцева поехать с ним, а Басаргина остаться, чтобы в случае надобности успокоить жену и приглашенных на вечер гостей.

Ладыжин расположен был верстах в сорока от Тульчина, где находился штаб армии. Мордвинов ждал противника, одетый в полную парадную форму, и оскорбился тем, что Киселев приехал в форменном сюртуке. Ему хотелось обставить поединок как можно торжественнее. Он брал реванш за происшедшее и вел себя как хозяин положения.

О дальнейших событиях Бурцев рассказывал так:

«Весь разговор мой с Мордвиновым клонился к тому, чтобы вывести его из заблуждения и удалить от бедственной его решимости; но сильное озлобление его препятствовало ему внимать словам моим, и он настоятельно повторял, что в сем поединке не довольно быть раненым, но непременно один из двух должен остаться на месте».

Мордвинов согласился, уважая Бурцева, чтобы тот присутствовал при поединке в качестве свидетеля. Реальной власти секунданта Бурцев не имел.

Держал себя Мордвинов резко. Когда Киселев не одобрил отсутствия секунданта, тот ответил, что «со шпагой и с пистолетом он никого не страшится».

Затем он продиктовал заведомо смертельные условия. Киселев их принял. Расстояние между барьерами определили в восемь шагов, число выстрелов – неограниченное.

Басаргин записал со слов Бурцева и Киселева:

«Мордвинов попробовал пистолеты и выбрал один из них (пистолеты были кухенрейтеровские²⁵ и принадлежали Бурцеву). Когда стали на места, он стал было говорить Киселеву: „Объясните мне, Павел Дмитриевич...“ – но тот перебил его и возразил: „Теперь, кажется, не время объясняться, Иван Николаевич; мы не дети и стоим уже с пистолетами в руках. Если бы вы прежде пожелали от меня объяснений, я не отказался бы удовлетворить вас“. – „Ну, как вам угодно, – отвечал Мордвинов, – будем стреляться, пока один не падет из нас“.

Они сошлись на восемь шагов и стояли друг против друга, опустья пистолеты, ожидая выстрела противника. „Что же вы не стреляете?“ – сказал Мордвинов. „Ожидаю вашего выстрела“, – отвечал Киселев. „Вы теперь не начальник мой, – возразил тот, – и не можете заставить меня стрелять первым“. – „В таком случае, – сказал Киселев, – не лучше ли будет стрелять по команде. Пусть Бурцев командует, и по третьему разу мы оба выстрелим“. – „Согласен“, – отвечал Мордвинов. Они выстрелили по третьей команде Бурцева. Мордвинов метил в голову, и пуля прошла около самого виска противника. Киселев целил в ноги и попал в живот. „Я ранен“, – сказал Мордвинов. Тогда Киселев и Бурцев подбежали к нему и, взяв под руки, довели до ближайшей корчмы. Пуля прошла навывлет и повредила кишки. Сейчас послали в местечко за доктором и по приходе его осмотрели рану; она оказалась смертельной. Мордвинов до самого конца был в памяти. Он сознался Киселеву и Бурцеву, что был подстрекателем в неудовольствии своем на первого Рудзевичем и Корниловым, и говорил, что сначала было не имел намерения вызвать его, а хотел жаловаться через графа Аракчеева государю, но, зная, как император его любит, и опасаясь не получить таким путем удовлетворения, решился прибегнуть к дуэли».

Поединок как последний, высший суд.

Через несколько часов Мордвинов умер. Смерть его, бесспорно, легла тяжело на совесть Павла Дмитриевича. Он-то знал и точно оценивал в глубине души все обстоятельства, предшествующие дуэли. Недаром он выплачивал вдове убитого пенсион из собственных средств – до конца ее жизни.

После поединка Киселев передал свои обязанности дежурному генералу, известил о происшедшем Витгенштейна и послал Александру I письмо, смысл которого куда шире этого конкретного случая и показывает Киселева с важной для нас стороны:

«Во всех чрезвычайных обстоятельствах своей жизни я непосредственно обращался к вашему величеству. Позвольте мне, государь, в настоящее время довести до вашего сведения

---

²⁵ То есть крупнокалиберные и с нарезным стволом.

об одном происшествии, которого я не имел возможности ни предвидеть, ни избежать. Я стрелялся с генералом Мордвиновым и имел грустное преимущество видеть своего противника пораженным. Он меня вызвал, и я считал своим долгом не укрываться под покровительством закона, но принять вызов и тем доказать, что честь человека служащего нераздельна от чести частного человека. (...) я получил от него резкий вызов, который уже не позволял мне делать выбор между строгим выполнением закона и священнейшими обязанностями чести».

Обращаясь к царю, Павел Дмитриевич с «римской» прямоотой декларировал основополагающую для дворянского авангарда мысль: никакие обязанности службы, никакой формальный долг перед государством не могут заставить дворянина поступиться требованиями личной чести. Священнейшие обязанности чести частного человека – превыше всего. Роковые человеческие конфликты должны решаться вне закона государственного, но – по закону нравственному. Павел Дмитриевич, при его далеко идущих реформаторских планах, желал сохранить в глазах лучших людей армии свою репутацию человека незапятнанной чести, даже рискуя жизнью.

Александр одобрил его позицию. И потому, что любил Киселева, еще не подозревая в то время о его близости к декабристам, и потому, что дуэль, как это ни странно, импонировала его вкрадчиво упрямой, не блещущей физическим мужеством натуре, и потому, что снисходительное отношение к дуэлянтам входило в многообразную систему его игры с дворянством. Император оставил Павла Дмитриевича на прежней высокой должности, показав, что августейшая воля неизмеримо выше писаного закона.

Зловещая подоплека истории ясна была не только ближайшему окружению Киселева – Басаргину, Бурцеву, но и дальним его друзьям. Генерал Закревский, узнав о поединке, писал Киселеву из Санкт-Петербурга:

«Много хотел бы с тобою говорить по сему случаю, но не могу вверить мыслей моих почте, которая не всегда аккуратно ходит, а оставлю до личного с тобою свидания...»

Под неаккуратностью почты здесь, естественно, подразумевалась возможность перлюстрации.

Но ничто в поведении Павла Дмитриевича не бывало простым и поддающимся ясной оценке с точки зрения человеческой. И сама непосредственная причина конфликта при внимательном рассмотрении оказывается не столь уж для него выгодной.

Басаргин, знавший все дело от Киселева и близких к начальнику штаба людей, так описал поведение Мордвинова во время событий в Одесском полку:

«Частным образом сделалось известным как главнокомандующему, так и генералу Киселеву и об заговоре, и о том, что бригадный командир Мордвинов знал накануне происшествия, что в Одесском полку готовится какое-то восстание против своего командира. Вместо того чтобы заранее принять какие-либо меры, он, как надобно полагать, сам испугался и ушел ночевать из своей палатки перед самым смотром войск (войска стояли в лагере) в другую бригаду».

Конечно, можно толковать поведение Мордвинова, исходя из характеристики, данной ему Киселевым: «Слаб здоровьем. Слаб умом. Слаб деятельностью». Можно предположить, что Мордвинов просто побоялся замешаться в историю и, вместо того чтобы властью бригадного командира унять подполковника Ярошевицкого и спасти поручика Рубановского, устранился – «слаб деятельностью». И тогда возмущение Павла Дмитриевича было бы понятно и оправданно.

Однако все оказалось не совсем так. Аракчеевец Ярошевицкий действовал в пределах закона и побеждавшей в армии традиции. Мордвинов знал, что командир соседней дивизии генерал Орлов, жестоко преследовавший ярошевицких, отстранен от должности, а поборник гуманности майор Раевский вообще сидит в крепости. Знал и то, что Киселев не поддержал Орлова. Не обладая ни авторитетом Орлова, ни его убеждениями, Мордвинов, естественно, не решился открыто принять сторону молодых офицеров. Но он явно им сочувствовал и, видимо,

считал, что единственное средство убраться Ярошевицкого – скандал. В конце концов, Рубановский приносил себя в жертву добровольно, ради товарищей.

Но Мордвинов не просто устранился и дал заговору осуществиться.

В письме императору Киселев вынужден был сформулировать истинную вину Мордвинова:

«Во время несчастной истории в Одесском полку начальник дивизии известил меня о ней в Тульчин, обращая главным образом мое внимание на недостаточную энергию в этом деле бригадного командира, который отказался арестовать офицера Рубановского в момент совершения им преступления».

Киселев писал правду; император мог проверить сообщаемые им сведения. Но из этого текста следуют два важнейших вывода. Во-первых, Мордвинов проявил незаурядное мужество, отказавшись арестовать поручика, избившего перед строем полкового командира. Тем самым он изобличал истинные свои симпатии. И поступок его вызывает уважение. Во-вторых, донес на него Киселеву именно генерал Корнилов. И стало быть, налицо двойная игра. Рудзевич и Корнилов вовсе не сочувствовали обиженному Киселевым бригадному командиру, а пытались, как тараном, ударить им в ненавистного начальника штаба армии.

Но как бы то ни было, поведение Киселева по отношению к Мордвинову оказалось весьма двусмысленным. Понимая, что если он покроет Мордвинова, то это может быть использовано против него, он встал на позицию армейского законника. Разумеется, Рубановский и молодые офицеры были ему ближе Ярошевицкого. Но что из того? Он преследовал высшие цели, готовя себя к политическому взлету.

Деятели тайного общества, вопреки простейшей логике, поддержали Киселева. Сергей Григорьевич Волконский писал Павлу Дмитриевичу:

«Ты знаешь, что в кругу нашей армии нет человека, который бы иначе говорил по предмету твоего поединка, как с отличным уважением».

Он, конечно же, имел в виду вполне определенный круг.

Таков был этот человек, способный на изощренную политическую игру, использовавший приемы, доходившие до коварства, скрывавший под личиной безграничной верноподданности наполеоновские планы, но при этом готовый выйти без колебаний на смертельный поединок, чтоб никто не мог усомниться в его понятиях о чести, заслуживший доверие таких рыцарей, как Волконский, Басаргин, Бурцев, Михаил Орлов, Денис Давыдов, а главное, смолodu и до смерти оставшийся верным своей мечте – уничтожению рабства в России. Честолюбие его было честолюбием истинным и высоким.

Вскоре о происшедшем узнали в Кишиневе, где находился Пушкин. Поэт увидел в поединке генералов глубокий и поучительный смысл. Липранди вспоминал:

«Дуэль Киселева с Мордвиновым очень занимала его; в продолжение нескольких и многих дней он ни о чем другом не говорил, выпытывая мнения других; на чьей стороне более чести, кто оказал более самоотвержения и т. п.? Он предпочитал поступок И(вана) Н(иколаевича) Мордвинова как бригадного командира, вызвавшего начальника Главного штаба, фаворита государя. Мнения были разделены. Я был за Киселева; мои доводы были недействительными. Н(иколай) С(тепанович) Алексеев разделял также мое мнение, но Пушкин остался при своем, приписывая Алексееву пристрастие к Киселеву, с домом которого он был близок. Пушкин не переносил, как он говорил, „оскорбительной любезности временщика, для которого нет ничего священного“»²⁶.

Поединок Киселева с Мордвиновым должен был заворожить Пушкина насыщенностью смыслом, далеко выходящим за границы служебной ссоры двух генералов. Событийную предысторию дуэли он или плохо знал, или принципиально игнорировал. Для него все прочее

---

²⁶ Позже Пушкин решительно изменил свое мнение.

заслонял «тираноборческий», «бунтовской» колорит поединка. «Слабый» зовет к смертельному ответу «сильного», и не кого-нибудь, а любимца императора. Он видел в этом торжество права чести, права поединка, дававшего дворянину последнюю защиту от посягательств деспотизма на его личное достоинство. Он трактовал поступок Мордвинова как вызов несправедливой иерархии.

Липранди и Алексеев подходили к событию с точки зрения здравого смысла: что будет, ежели каждый наказанный офицер станет вызывать за это своего начальника на поединок? Как тогда поддерживать служебный порядок? Поступок Мордвинова для них, профессиональных военных, выглядел сомнительно.

Пушкин смотрел поверх подобных резонов. Он строил философию дуэли как сильного средства борьбы личности с враждебным миром, средства, не контролируемого государством. Потому его всю жизнь так бесили люди, старающиеся увильнуть от поединка. Они – помимо всего прочего – ставили под сомнение само право на дуэль, лишая «человека с предрассудками» этого оружия.

Замечательно в этом поединке и многое другое, опровергающее привычные представления о дуэльных обычаях. Оба противника считают возможным стреляться без секундантов. Оставить Бурцева или отослать его – это зависело от Мордвинова. Да все равно, наличие одного секунданта, общего для обоих противников, было незаконным. И, однако же, никого это обстоятельство не смутило и не стало предметом осуждения. Не смутило это и Пушкина – он ведь и сам собирался стреляться с отставным штабс-капитаном Рутковским один на один. Формальная сторона мало волновала его. Благородные Сильвио и граф в «Выстреле» стреляются в решающей встрече без секундантов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.